

ОИБИРИАДА

АЛЕКСЕЙ
ВОРОНКОВ

Марь

Сибиряда

Алексей Воронков

Марь

«ВЕЧЕ»

2016

Воронков А. А.

Марь / А. А. Воронков — «ВЕЧЕ», 2016 — (Сибириада)

ISBN 978-5-4484-7904-5

Веками жил народ ороحوнов в енисейской тайге. Били зверя и птицу, рыбу ловили, оленей пасли. Изредка «спорили» с соседями – якутами, да и то не до смерти. Чаше рoднились. А потом пришли высокие «светлые люди», называвшие себя русскими, и тихая таежная жизнь понемногу начала меняться. Тесные чумы сменили крепкие, просторные избы, вместо луков у ороحوнов теперь были меткие ружья, но главное, тайга оставалась все той же: могучей, щедрой, родной. Но вдруг в одночасье все поменялось. С неба спустились «железные птицы» – вертолеты – и высадили в тайге суровых, решительных людей, которые принялись крушить вековой дом ороحوнов, пробивая широкую просеку и оставляя по краям мертвые останки деревьев. И тогда испуганные, отчаявшиеся лесные жители обратились к духу-хранителю тайги с просьбой прогнать пришельцев...

ISBN 978-5-4484-7904-5

© Воронков А. А., 2016

© ВЕЧЕ, 2016

Содержание

Пролог	6
Часть первая	9
Глава первая	9
1	9
2	10
Глава вторая	12
1	12
2	14
Глава третья	17
1	17
2	18
Глава четвертая	22
1	22
2	23
Глава пятая	26
1	26
2	29
Глава шестая	33
1	33
2	35
Глава седьмая	38
1	38
2	41
Глава восьмая	44
1	44
2	46
Глава девятая	50
1	50
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Алексей Воронков

Марь

© Воронков А.А., 2016

© ООО «Издательство «Вече», 2016

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2019

Сайт издательства www.veche.ru

* * *

Злато искушается огнем, а человек – напастьми.

Данила Заточник

*От реки, из глухих, обрубленных логов и запустело-хламных
вырубок, где жил и скрывался зверь, наносило холодом и тьмой...*

Виктор Астафьев. «Осенью на вырубке»

Пролог

Грачевский проснулся первым. В вагоне было сумеречно; пахло потом и грязными портянками. Братва похрапывала в предраассветных снах. Пацаны еще, а туда же! – взглянув, как смачно чмокает губами во сне сосед по купе, усмехнулся Володька. Ну он, Грачевский, ладно, он уже кое-что видел в этой жизни, а эти что? Оторвали от мамкиной сиськи – и в тайгу. А нужна она им?.. Выдержат ли, не надорвут ли пупы?

О себе он не думал, потому как считал себя человеком бывалым. В свои двадцать два он уже повидал всякого: и на лесозаготовках, это когда он на каникулах решил подзаработать деньжат, успел повкалывать, и на путину со стройотрядом летал на Сахалин. А еще была в его жизни кочегарка на твердом топливе, а еще эти проклятые вагоны, которые приходилось разгружать по ночам, чтобы не тянуть с родителей рубли. В общем, он давно уже чувствует себя настоящим мужиком. Конечно, он бы мог «откосить» от армии – его ведь в село по распределению посылали, а по закону сельских учителей в армию не брали. Но он, вишь как, сам пришел в военкомат. Хочу, говорит, долги Родине отдать, которая меня бесплатно выучила, а на него как на дурака смотрят. Другие-то вон ложки глотают, иглы себе под кожу суют, чтобы инвалидами стать, а этот, понимаешь, служить захотел. «А ты хорошенько подумал? – спрашивают. – Ну коль подумал – иди служи».

Всего на год-то и призвали. После институтов это всегда так. Спросили, где б желал служить, а он: на море или в тайге. Ну для моря он не подходил – там одnogодичникам делать было нечего. Там служили на всю катушку – это ведь не пехота, где, кроме гранаты с автоматом, и путного ничего больше нет. Окопы – это тебе не механизмы корабельные.

Ну коль хочешь в тайгу – туда ты у нас и поедешь. Слыхал-де, что большая стройка в Сибири зачинается, железную дорогу поведут к самому Тихому океану? Ну, говорит, слыхал. А что, есть возможность туда попасть?

Оказалось, возможность такая была.

Его определили в железнодорожные войска. Когда он теперь смотрел на себя в зеркало, которое отражало какое-то странное чудище, затянутое в казенную робу тоскливого цвета, он ощущал в себе некую космическую значимость. Неужели еду творить историю? – удивлялся он. А что история – так это точно. Сегодня только ленивый об этой стройке не говорит. Трещат о ней на всех углах, громко называя ее «стройкой века». Так когда-то, наверное, было и во времена строительства Магнитки и Днепрогэса, так было, когда начинали поднимать целину. Родители в панике: и нужно тебе это? Ехал бы лучше в школу преподавать. Глядишь, отработал бы положенное в деревне, в аспирантуру бы поступил, кандидатскую защитил – и пошло-поехало. Так, мол, люди карьеру делают, а не тратят зря время в этих казармах.

Но о казармах Грачевскому и думать не приходилось. Ну какие казармы в тайге? Скорее всего, будут они там жить в палатках, в лучшем случае в каких-нибудь вагончиках или что там еще у них есть? Ведь это же стройка, а не размеренная полковая жизнь при каком-нибудь гарнизоне. Так что он был готов ко всему. И родителей убедил, что так для него будет лучше. Во всяком случае, после армии он сможет любому начальнику честно в глаза смотреть. Мол, я-то отбарабанил свое – что тебе еще надо? Сам-то, мол, ты служил?..

Повздыхали родители, поохали и смирились. Ну давай-де, Володька, служи. Вернешься – у тебя льгота будет, сможешь без отработки в аспирантуру поступать.

Ну что с ними поделаешь – у них свое на уме. Жизнь-то хорошо изучили, поняли, где помягче можно приземлиться и жить посытнее, – вот и сына учат. А он еще без царя в голове – у него романтика в заднице играет. Ты ж, говорит отцу, тоже когда-то с нуля начинал, когда завод свой строил. А сейчас ты кто? Правильно, мастер цеха. Вот и я когда-нибудь директором школы стану.

Только не это! – машет на него руками мать, которая, бедная, уже почти десять лет тащила на своем горбу заштатную школу-интернат. Или хочешь раньше времени инфаркт получить? Нет, у самой матери инфарктов покуда не случалось, но нервы-то она все уже оставила в смертельных боях то с гороно, то с облоно, то со всякими комиссиями и новыми законами, с лютым безденежьем в образовании и начальниками-дураками от этого самого образования.

Он будет у нас в институте преподавать, говорит отец. Защитит кандидатскую, затем докторскую – вот тебе и профессор. После этого можно уже не беспокоиться о своем будущем – читай себе лекции вечно полусонным студентам и в ус не дуй. Глядишь, и проживешь неплохо.

Но Володька о будущем пока вовсе не думал. Будущее для него – это нынешний вечер, когда, опорожнив одну-другую бутылочку «тридцать третьего» портвейна, они с друзьями отправятся на «скачки» в парк – так на их языке звучит слово «танцы». А когда закончатся эти самые «скачки», они пойдут провожать девчонок, и проводы эти, как водится, затянутся до самого утра. Пока не нацелуются до смерти – не разойдутся. Эх, хорошо жить в родительском доме – ни тебе забот, ни хлопот. Там тебя и накормят, и напоят, и в теплую постельку спать уложат. И так каждый день.

А тут вдруг все изменилось. Володьку остригли наголо – а какая была смачная шевелюра: Леннон бы вместе с Харрисоном позавидовали! – и переодели в пахнущую казенным духом солдатскую робу. Но ничего, когда-то и Элвиса Пресли вот также обрили – не помер же; вернулся домой, снова поставил публику на уши. И Володька вернется в свой Куйбышев, который все здесь по старинке называют Самарой. Правда, на уши он никого ставить не будет, но зато отоспится за все эти месяцы!.. А то ведь в армии этот чертов режим – не разоспишься. Чуть прикорнул – тут же в строй кличут. А потом работа, работа, работа... А еще шагистика эта проклятая на плацу, а еще изучение уставов, а еще... Что там еще? Ах да, новую для себя специальность он осваивает. Как она называется – хрен ее поймет, но только после этого он будет знать, как правильно вести отсыпку земполотна и укладывать на него рельсы. Наука вроде нехитрая, а заставь новичка все это самостоятельно освоить – да он даже не будет знать, с чего начать.

Правда, Володьке лучше бы строить дома. Он и думал, что их начнут учить этому делу. Уже и в мечтах видел себя первостроителем какого-нибудь таежного города. Помните? «Снятся людям иногда голубые города, у которых названия нет...» Он даже и имя ему придумал – Сибирьград. А что? Такого ведь пока нет на карте. Однако обязательно будет, и в этом Володька был абсолютно уверен.

Ну а тут земполотно да эти неподъемные рельсы. Впрочем, что тут плохого? Ведь они поедут строить железную дорогу, она – главная цель, а уж «голубые города» – это все в придачу. Это лишь антураж великой стройки. Когда-то, когда он станет стариком, его разыщут где-нибудь на берегу Черного моря, где у него будет свой домик, и попросят, чтобы он рассказал, как все начиналось. Просят же сегодня старых большевиков рассказать о революции, а вот он будет о таежной стройке рассказывать. Тоже ведь революция, только революция духа. Ну, когда такое было, чтобы вся страна ринулась в тайгу? Значит, какой-то переворот у людей произошел в душе. Не за «длинным» же рублем все туда едут. Вот и для него, Володьки Грачевского, не это главное. Но тогда что? Да чтобы вспомнить было о чем. А то порой проживет человек жизнь, а вспомнить бывает ему и нечего.

Маленький кусочек жизни, но он должен остаться в Володькиной памяти яркой звездой, которая бы светила ему и согревала его всю оставшуюся жизнь. Впрочем, кто знает: может, понравится ему в этой самой тайге и он останется на сверхсрочку, чтобы продолжать делать свои героические дела. А то снимет погоны и пойдет работать в какую-нибудь мехколону. А там, глядишь, и школу отстроят и станет он в ней учить детишек таежных мастеровых. Тоже ведь интересно...

В «учебке» Володька пробыл ровно два месяца. В этом же 1972 году ему присвоили звание младшего сержанта и отправили в составе одного из первых военных строительных десантов в тайгу. И вот теперь этот самый медленный на свете поезд, спотыкаясь на стыках, везет его через всю страну в какой-то неведомый ему край. Туда, где он переродится плотью и духом в совершенно иного человека и с неуголенным блеском в глазах возьмет в руки еще непрочитанную книгу счастья, и его душа обретет ожидание чуда.

За окном мелькают города, какие-то серые селения, полустанки... И повсюду леса, перелески и снова леса... А как заехали за Урал, так и тайга пошла. Огромная, бескрайняя... Едут, а она все не кончается. Вот ведь какая силища! – восхищается Грачевский. Пойди выруби все это под корень – и тысячу жизней не хватит. А вот в газетах нет-нет да промелькнет что-то странное. Дескать, гибнет природа. Да какая ерунда! Кто ж ее губит-то? Вон, на сотни километров ни одного жилья, глядя в окно, думает Володька. Это в Америке, может, все подчистую уничтожают. Не случайно там не так давно прошел всеиндейский шаманский сход, где колдуны просили своих богов, чтобы те образумили людей и запретили им губить природу. Надо, говорят, вернуть земле то, что люди взяли у нее взаймы.

Правильно. Но у нас этого не будет. Никогда! От этих мыслей у Грачевского становится хорошо на душе. Великое это дело – сознавать, что есть на свете что-то незыблемое и вечное...

Часть первая

Глава первая

1

Тайга... Бескрайняя, беспросветная, затаенная. Исконная глушь и дичь, где нет на сотни верст никакого жилья, разве что зимовка лесоповальщиков да приютившийся на уреме у какой-нибудь шустрой холодной речушки поселок аборигенов. А так – все мари, мхи, лишайники, непроходимые чащобы. Случаются и горы, которые, вдруг вздыбившись над всем этим огромным пространством, уплывут лесистыми отрогами до самого горизонта. Ель, сосна, пихта, кедр... А еще багульник болотный, который восточные эвенки-орочоны называют по-своему – чанкиря, молодой ивняк – шикта – вдоль ручьев и рек; карликовый березняк – дывэча... И снова мхи, лишайники, мари... Все это тайга... Притихла и вроде дремлет. Но это только на первый взгляд, потому как каждая иголочка здесь, каждый листик и травинка начеку. Прислушивается тревожно к каждому шороху, вроде как чего-то боится. Дышит ровно и вроде не дышит. Замерла. Ветка не шелохнется. Ветерок гуляет по верхушкам деревьев, но в чащу сунуться не решается. Видно, боится заплутать среди елей и сосен. И ничего удивительного: здесь все так запутано, все так непонятно. И для ветра, и для человека. Это только живь всякая таежная пути в этом запутанном пространстве знает. Но на то он и зверь, чтобы хорошо ориентироваться в природе. Без этого нельзя, без этого не выжить. Вот и учится человек у зверя его повадкам да умению жить в тайге. Чтобы, значит, тоже не пропасть. Ведь тянет она, эта проклятая, к себе, ох как тянет!

Зачем бежит сюда человек? А бог его знает. Кто-то, видно, начитавшись книжек, за романтикой мчится, кто-то судьбу свою ищет, а кто-то смысла в жизни. Есть и те, что норовят спасти свою душу в плену девственной природы; есть беглецы, которые, устав от грохота цивилизации, норовят спрятаться от чужих глаз. Кого-то тайга принимает, кого-то за ненадобностью выбрасывает на берег – так, как это делает Байкал, который имеет способность избавляться от всякого мусора, иначе бы это давно уже был и не Байкал с его родниковой чистотой и прозрачностью, а обыкновенная лужа, каких полно на свете. Ведь что делает человек? Он, часто сам того не сознавая, убивает природу. И чем дальше, тем больше. С чем останемся?..

Вот, погуляв на юру, ветерок все-таки прокрался в чащобу. Дрогнула ветка, потянуло сквознячком. Почуввав движение, выпорхнула из сухой травы пичужка и, усевшись на пушистую сосновую ветку, осмотрелась. Вроде никого – успокоилась.

Вслед за пичужкой завозилось в кустарниках мелкое зверье. Осторожно, крадучись просеменял среди деревьев соболек; из-за толстой ели показала свою хитрую мордашку лиса-огневка; пробежала вдали стайка косуль; метнулся из зарослей стланика дикий олешек – что-то и его заставило покинуть свой схрон. Может, виной тому качнувшаяся рядом ветка, а может, учуял неподалеку охотника, устроившего еще по ночи сидбу на дереве и теперь терпеливо караулившего зверя. Сиверка мало тревожит этого человека, потому как деревья защищают его и от ветра, и от ситничка, который уже какой день накрапывает сверху. Тайга всему живому дом родной, от всего защита, всем друг и товарищ – только надо понять ее и приноровиться к ней. Не приноровишься – гляди...

Хороша тайга и величава в любое время года. Вот и сейчас, в начале сентября, когда нет-нет да дохнет из якутских глубин ледяной сквознячок, предвещая долгую затяжную зиму, она награждает тебя покоем, притягивает, манит к себе своей тайной и вселяет надежду. Это как

море, притихшее перед штормом, но что там будет впереди – неизвестно. А тайга и есть море, только другое. Здесь тоже есть штиль, но бывают и бури, и шторм, и беда. Особенно берегись ее зимой. Коль не знаешь ее троп-перепутий – лучше не суйся. Погубит. Заплутаешься, потеряешь силы, упадешь. Это только кажется, что по следам в снегу можно выйти к людям. Тайга – это великий лабиринт, где свои же следы и запутают тебя. Пойдешь по ним – и еще больше запутаешься. Беда... И нужно быть опытным человеком, чтобы выйти живым из этих здешних лабиринтов, и нужно уметь слушать голоса тайги и иметь звериное чутье, чтобы не сгинуть в этом диком безмолвии.

А люди идут и идут в тайгу, и многие не возвращаются назад. Как не возвращаются они порой с вершин гор, из глубоких пещер, из морских далей. Природа – это тот же космос, который удивителен и в то же время жесток. А тайга – это самая загадочная и непредсказуемая часть этой природы.

2

Уже второй год в этих краях идет какая-то суета. Гудит техника, слышно человеческое разноголосье. Зверя все это пугает – бежит он от шума в таежные глубины. Слава богу, есть еще здесь где спрятаться. А вот когда уже ничего не станет, тогда пиши пропало. Ну как зверю без тайги?.. Это то же самое, что человеку без дома. Но человек хоть в шалаше переночует, а куда зверю деваться? Ведь он не идет на свет. Шел бы, но ведь человека боится. Потому как нет ничего страшнее, ничего кровожаднее, чем это животное, нет коварнее его, нет ненасытнее. Отсюда и враг он всему живому.

Палатки, бочки с бензином, просека, бритвой разрезавшая тайгу... «Цивилизация, будь она трижды неладна», – думает Ерёма Савельев. Он охотник и знает, что шум отпугнет зверя и тот уйдет далеко от здешних мест – попробуй тогда догони его. А у него двое малых пацанов да еще неработающая жена – и всем им надо пищу дать, обути, одеть. А для этого андаги нужен – соболев. В былые времена, когда эти глухоманные места были недоступны этим шибко умным и жадным до чужого добра людям с Большой земли, и мысли не было, что он его не добудет. В тайге было тихо и покойно и соболев ничего не боялся – всю зиму шел на приманку. А у Ерёмы капканы на сорок верст вокруг стоят настороже. Как когда-то выделило им охотхозяйство участок, так до сей поры он за Савельевыми и числится. Правда, отца Ерёмы давно уже нет в живых, он ушел к своим прародителям в Долину мертвых. Его всей родовой они провожали туда. Все началось с того, что злой дух Нижнего мира Харги наслал на старшего Савельева страшную болезнь, от которой он стал чахнуть. За что это он его? – удивлялись родственники. Ведь Афанасий мухи не обидел за всю свою жизнь. Таежные его трофеи не в счет – это ведь жизнь ороचना, и Сэвэки, дух-покровитель и хозяин тайги это знает и потому не запрещает охотнику добывать себе пропитание.

А может, это завистники вечно удачливого охотника во всем виноваты? Ведь они, Савельевы, настолько срослись с тайгой, что даже с волками были в дружбе, потому те порой лосей и другую дичь на них выгоняли... А завистники – они и есть завистники. Задобрили, видно, чем-то Харги – тот и постарался. Теперь вот лежал Афанасий на деревянных нарах в своей хибаре, стонал и кровью харкал. К нему и фельдшерницу приводили, но та прямо сказала: это последняя стадия туберкулеза, и поэтому никакие пилюли уже не помогут. Так что, мол, потихоньку готовьтесь.

А Афанасий раньше других понял, что все – каюк. В один прекрасный день он вдруг прекратил стонать и теперь лежал тихо, так, чтобы не привлекать к себе внимания. Был бледен, словно мертвец, и на его пергаментном лице единственно живыми были только глаза, которые тоже потихоньку уже начинали остывать и слепнуть. За неделю до того, как уйти, он перестал принимать пищу. Худой до костлявости, с белым пушком редких волос на голове и с таким же

чахлым пушком на скулах, он терпеливо ждал конца. А когда этот конец совсем приблизился, Афанасий с трудом встал с постели, напялил на себя что-то подобие холщового мешка – урбакэ по-здешнему – и, не глядя ни на кого, вышел из дому. Было начало октября, снег уже успел покрыть землю и теперь сверкал своей девственной белизной, отражая холодные лучи отходящего к зиме солнца. На север зима приходит рано, а уходит поздно. Так, октябрь, считай, здесь уже не осенний месяц – зимний, с минусовой температурой как ночью, так и днем. А Афанасий даже обуви не стал надевать. Вышел, поклонился дому, не говоря ни слова, таким легоньким жестом попрощался с детьми и женой и отправился в Долину мертвых.

Никто из эвенков не знал, где находится эта долина, но люди говорили, что об этом узнают только перед самой смертью. Дескать, само провидение отведет тебя туда в положенный час. Ушел старик, погоревали-погоревали Савельевы, дерябнули араки – водки из молока оленя – за упокой души отца и мужа, а потом стали жить дальше. Старший сын Ерёма, или, как сказал бы сосед их Фрол Горбылев, большак, продолжил дело отца-охотника, средний Ефим где-то на ягелях-лишайниках с оленями кочевал, а младший Степан преподавал в местной школе маленьким орочонам их родной язык.

Были еще две сестры, но те вышли замуж за чужаков, за якутов, которые и увезли их в свои улусы. Когда сыновья уходили на заработки, в доме оставалась мать да две невестки – жены старших сыновей. Теперь нужно было ждать, когда Степан приведет в дом женщину, но он почему-то не торопился. Ходили слухи, что он ухаживает за завклубшей Люськой, но та была русской, а потому еще вопрос, пойдет ли она за него. Правда, русских мужиков в поселке было негусто, а которые и были, так все они женатые. Поэтому, что ни говори, а шанс у Степана все-таки был. Вопрос лишь в том, когда эта русская согласится стать женой учителя. Но да все равно Марфа Савельева, мать Степки, не верила, что завклубша станет жить в их доме. Как сказал бы Фрол Горбылев, погребает, то есть побрезгует. Ведь у русских свои жилые запахи, у эвенков свои. Поэтому не всем краснощеким русым девкам может прийтись по нраву этот вечный дух оленьего мяса да бьющий в ноздри острый запах мездры, который всегда присутствует в доме орочона.

У Савельевых этот дух годами не выветривается. Принесут охотники из тайги соболя – тут же выделкой шкурок займутся, чтобы не пропал товар. То же самое и со шкурами сохатых да диких оленей, из которых женщины потом шьют торбаса с унтами да верхнюю одежду – арбагазы, кунгу, якодыл и эрки. Бывало, в ход шли и лисьи шкуры, из которых шили шапки, в каких любили щеголять мужики из золотодобывающих артелей и рудничные. У тех заработки высокие – вот они и выеживаются. Им вообще все лучшее подавай: и шмотки, и жратву, и машины, и экзотические курорты. Все правильно: заработали люди. Вместе с грыжей заработали. А кто под землей – те еще и с силикозом. Так что раскошеливайся, держава, купай в славе и деньгах своих героев, иначе на хрена такая жизнь нужна? Деньги лишь и привлекают, ради них и готовы люди губить свое здоровье.

А вот Ерёму золото не прельщает. Он другим делом занят. Хотя и его промысел легким не назовешь. Было, пытались и русские соболевать – так где они сейчас? У одних сразу дело не пошло – сноровки-то нету, – другие пропали в тайге. Так что соболя да лисиц на шапки золотарей по-прежнему приходится эвенку Ерёме добывать. А другого ему и не надо. Шибко любит он свое дело, шибко интересное оно у него. Правда, этот интерес с годами перерос в привычку, и все равно ремесло его приносит ему удовлетворение. Ведь не пошел же он, подобно Ефиму, оленей пасти. А тот оленей любит больше жизни. Это у него от деда – бывшего известного в округе оленевода. Их род тогда еще не знал, что такое цивилизация. Жили так, как жили их далекие предки. Домов-пятистенков, как у их внуков, еще не было – обитали в чумах и не жаловались на жизнь.

Глава вторая

1

Бэркан... Череда серых будто бы в подпалинах бревенчатых изб, выгоревших до пороховой зрелости под ярким таежным солнцем. Несколько прямых, словно тетива лука, улочек. Вдоль них палисадники, но больше обыкновенные загороды из жердей. Место глухое, но светлое. Дымы тянутся в небо, наполняя его теплом и надеждой. Со всех сторон – непроходимая тайга, которая кормит здешних людей и дает им жизнь. Тут же, через глухие эти края, несется с грохотом неукротимая, словно стихия, норовистая река, берущая свое начало где-то в горах. А горы здесь повсюду. Да и сам поселок – гулэсэг по-здешнему – приютился у подножия таежного горного отрога, что с сыновней непосредственностью еще в доисторические времена убежал на полторы сотни километров на восток от родителя – большого хребта, застыв этакой выпуклой дугой на огромном глухоманном пространстве междуречья, которое издревле населяли тунгусские племена. Здесь они разводили оленей, охотились, рыбалили на больших и малых реках – Джее, Гилюе, Тыгде, Уркane, Тынде, Геткане, Тунгале... Речки все горные да ледяные, и рыба в них другая, чем в теплых краях, – северная, с хорошим жирком под кожей да сладкая. Ее и зверь любит, и человек, потому как она силы дает.

Горная таежная страна... Жесткие очертания контуров, крутые, поросшие хвоей склоны, куполообразные вершины-гольцы, покрытые мхами, лишайниками и каменистыми россыпями, узкие и глубокие долины, на дне которых протекают бурные потоки. В долинах – мари, и всюду вечная мерзлота...

Когда-то Бэркан был обыкновенным стойбищем без названия, а его обитатели – вольными людьми, которые никому и никогда прежде не платили ясак. Это позже здешние места российская сила превратила в ясачные земли, пытаясь вразумить население на оседлый образ жизни и на принятие православия. Кто-то из вольных людей поддался, кто-то долго сопротивлялся, не видя выгоды в новом для себя приобретении. Будущие жители Бэркана, составлявшие большой тунгусский род, тоже поначалу сопротивлялись, однако и они в конце концов превратились в ясашных людей и стали исправно отдавать в царскую казну часть своей добычи.

После революции еще долго стойбище, где жили предки Ерёмы Савельева, не могло примириться с новыми устоями и превратиться в обыкновенный поселок. В любой момент они могли сорваться с места и вместе со стадами оленей, с детьми, стариками, женщинами, прихватив незатейливую утварь, уйти в другие края, но всякий раз возвращались – будто бы дух далеких предков звал их сюда. И снова начинали в беспорядке курить в небо дымы чумов, снова слышались округ детские голоса, снова охотники уходили на промысел в тайгу, откуда приносили богатую добычу. Для оленных же людей это место тоже становилось на короткое время домом, откуда они уводили стада на богатые мохом пастбища.

Однако и до этих мест добралась-таки цивилизация. В конце последней предвоенной пятилетки сюда приехали строители, срубили тунгусам избы, и стали те в них жить-поживать да детей рождать. И теперь это уже не просто стойбище, это, можно сказать, обыкновенный таежный поселок с бревенчатыми домами-пятистенками, где есть свой клуб с киноустановкой и библиотекой, отделение связи, неполная средняя школа и здравпункт. Почти все население Бэркана трудится в колхозе, который по всем бумагам числится как «Таежный». Кто-то называет его звероколхозом, но на самом деле это не совсем так: кроме разведения чернобурых лисиц люди здесь занимаются еще и оленеводством и охотой. Все, что они выращивают и добывают, все, что производят из шкур, везут за многие километры в райцентр, где и сдают частью в заготконтору райпотребсоюза, частью в приисковый золотопромышленный.

До прихода в эти края цивилизованной России предки Ерёмы Савельева были вольным народом, заселявшим огромные территории от Енисея до Охотского моря. До начала коллективизации все они были кочевниками. В поисках богатых лишайников они гоняли по тайге и тундре стада оленей и одновременно занимались охотой. Оленьё мясо было их главной пищей, ну а охотничьи трофеи, а это соболь, горностай, медведь, согжой, которого здешние эвенки называли еще нанак, и многое другое служили им валютой. Все это можно было выменять в русских селениях на ружья, порох, украшения и одежды. Впрочем, и сами они не брезговали тем, что удавалось урвать у тайги. Правда, людьми они были нежадными, поэтому брали у нее столько, сколько нужно было для их скромного существования. За богатством не гнались, но и от бедности старались уйти. Главное, чтобы было тепло в чуме, была пища, была одежда. И если у кого-то случалась беда, всем миром шли на помощь. И согреют, и ободрят, а главное – накормят.

Старики еще помнят времена, когда у их народа не было письменности, а главным богатством для них были их чумы, тунгусские лыжи, посуда, ружьишко да самострел – черкан; а еще лодка из бересты, распашная одежонка да обтяжная обувь. Теперь все по-другому. Теперь они живут в настоящих хоромах, где, в отличие от чума с его небольшим жилым пятачком, есть две, а то и три комнаты, есть печи, есть радио. Телевидение еще не пришло в эти края, но да и ладно. Когда его смотреть-то, этот телевизор? Нужно пищу добывать и топливо, а ведь еще приходилось на государство работать – кто-то откармливал лис, кто-то ходил в тайгу за соболем и дичью, кто-то гонял по тайге оленей, завоевывая звания и регалии.

Ерёма еще застал ту пору, когда их семья жила в чуме, по которому он до сих пор тайно скучает. Там был чистый воздух и постоянно тлеющие уголья, которые вселяли радость и надежду. Он помнит, как они с отцом и дедом строили свой утан...

Вначале они установили шатром длинные жерди, за которыми загодя сходили в тайгу. После этого сверху на жерди положили кору, ту, что они надрали в березняке, которую позже покрыли оленьими шкурами. Место для сна – билэ – они устлали еловыми ветками, поверх которых положили медвежью ширю. Так и получилась мягкая подстилка – сэктэ. Самый центр чума был приспособлен под очаг – гулевун. Летом огонь не распяляли – только зимой. Бывало, горит костерок, а от него белая дорожка дыма убегает вверх, которая затем исчезнет в отверстии, на их языке это сона, что на самом куполе чума. Зимой, случалось, через это отверстие и снег попадал внутрь, но никто на это не обращал внимания. Разве что маленький Ерёма, который, укрытый шкурой оленя, лежал на спине и смотрел, как снежинки кружат над его постелью, исчезая затем в теплых струях дыма. Да еще его дед, старый амака Бэюн, что означает дикий олень, устроившись на малу – самом почетном месте в чуме, – мог часами о чем-то думать, посасывая свою древнюю, как и он сам, трубку.

И как же непривычно было им после чума перебираться в большие светлые хоромы, сладко пахнущие листвяком, которые возвели для них приезжие шабашники. Долго не могли они найти себе места. Когда им привезли из райцентра железные кровати, то они вначале не знали, что с ними делать. Так и спали на шкурах на деревянном полу, тогда как койки те ржавели под осенними дождями. Это позже они поняли некоторый толк в чужих для них вещах. Потихоньку обжили кровати, потихоньку стали садиться за обеденный стол – а раньше-то в теплое время на полянке перед первобытным своим жилищем пищу принимали, зимой же прямо на шкурах в чуме. И электричества они больше не боятся, как это было вначале, когда в поселке появился свой дизель-генератор, и радио порой слушают да консервы городские пытаются дегустировать. В общем, привыкли. И лишь пастухи, которые гоняли стада на ягеля, так и остались жить в природе, лишь изредка показываясь в поселке. И то бы не появлялись, кабы не надо было мясо оленя сдавать государству да вышедшую из строя рацию сменить или же там порошу подкупить.

Перед ноябрьскими праздниками они пригоняли стадо в поселок, где и начинался великий забой. Прибывали из райцентра грузовики и везли убоину на склады, а поселок погружался в веселье. Пили все – от мала до велика. Тут же происходил торг – это райпотребсоюзовские работники привозили с собой разный дефицит. Конечно же не весь: как полагается, по дороге половину втридорога загоняли золотарям, но кое-что и для эвенков оставалось. И тогда те брали и ковры, и ружья, и украшения всякие, а кому-то даже мотоцикл с коляской доставался. В иных домах этих ковров было столько, что ими разве что гайнушки, конуры для собак были не устланы. А так, в несколько слоев лежали на полу да томились на всех стенах. Один ковер затопчут ичигами да унтами – другой на него положат. Вот так и барствовавали.

То же самое происходило, когда пушного зверя сдавали – и того, что откормили на звероферме, и того, что вместе с дичью принесли из тайги. Тоже был праздник, тоже шел торг прямо из кузова автолавки. Так и жили от праздника до праздника.

2

Теперь вот в Бэркане не только тунгусы живут. В последние годы потихоньку стали прибываться к этим местам и чужаки. Когда-то, а было это в начале шестидесятых, таким вот образом и семья староверов с фамилией Горбылевы прибилась. Жили где-то общиной в Сибири, но потом в их места техника пришла – двинули на восток. Пока шли, почти все перемерли. Лекарств-то не признавали, а тут какая-то болезнь странная их настигла... Им бы отлежаться, а они снова на ноги да в поход. Те, кто остался в живых, частью в Забайкалье осели, частью перебрались через Становой и Яблонево хребты и ушли в Приморье. А Горбылевы здешний тихий уголок приметили, где жили эти мирные и безобидные тунгусы. Старики потом померли, оставив после себя трех сыновей. Двоих на охоте амака – попался же такой матерый – до смерти задрал, остался один – Фрол. Тоже, как и все Горбылевы, медвежатник – уж такие они народились смельчаки.

Когда пришла пора Фролу жениться, он стал шукать повсюду людей своей веры, однако так и не нашел. Куда-то дальше идти на поиски не хотелось – решил взять в жены тунгуску. Не в райцентр же за этим делом шлепать, заранее зная, что в глушь вряд ли кто из тамошних девонек за ним пойдет. И это несмотря на то, что мужик он был видный. Таких только в фильмах снимать про Древнюю Русь-матушку: глаза ясные и могуч, как медведь. Волосы у него длинные и светлые – их он обычно повязывал тесьмой; такой же светлой и шелковистой была и его богатая борода. В общем, емкой парень – зря не свалишь.

В Бога он верил неистово, хотя на людях своей верой не кичился. Молился он исключительно дома, где у него в переднем углу находилась божница в виде киота с иконами, перед которыми постоянно горела лампадка. Под киотом на небольшом столике лежали молитвенники, курился ладан, порой стояли блюда с поминальными просвирами и горели воткнутые в пшено свечи.

Потом появилась в доме Христа, дочь зверовика Сеньки Левашова. Ей тогда едва исполнилось пятнадцать, но, так как в тот момент подходящей партии больше не было, пришлось жениться на ней. Христа оказалась женщиной послушной и разумной. Она быстро освоилась и принялась за хозяйство. У нее и печь всегда была натоплена, и в горенке чисто, и обед вовремя приготовлен. Вечно у нее что-то там шкворчало да томилось на печи, что-то булькало да убивало великими запахами еды. Даже хлеб сама пекла из гречушника, который намолот на своей ручной мельнице Фрол. «Ой, што деетца – архиерей женитца...» – часто изумлялся молодой мужик, с любовью глядя на то, как старается его тунгуска. Жаворонки, конечно, стряпать, как его матушка, или же там курник испечь она не могла – не их то еда, – но зато оленьи отбивные у нее получались знатные – за уши потом не оторвешь. Также вкусно она могла и губу сохатого приготовить, и рябцов в брусничном соку потушить, а еще глухарька целиком в котле сварга-

нить... Ручонки у нее тонкие, но в замок тесто ловко смесит. И слеван научилась готовить, который обожали в семье Савельевых. Это их гураны приучили, когда они пытались прижиться в Забайкалье, но откуда пришлось быстро тикать, потому как там какая-то промышленная стройка разворачивалась. Бывало, набегается тунгусочка по двору – лицо станет темным от ветра да загара. Гдей ты так носишься – вон ведь как лицо-та зыбыгало, скажет ей Фрол.

У Горбылевых и животины была – корова, чушка, две козы – ямен и ямонуха, – так Христя и с ними управлялась. Даже дрова пыталась колоть, когда Фрол в тайгу на медведя уходил. Наколет, потом наберет их большое беремья и тащит в избу. Не каждый мужик бы изловчился. И даже когда она забрюхатила, она не жалела себя. Благо Фрол видел это и запрещал ей надрываться. Бывало, цыкнет на нее: мол, хватит бесперечь ломать себя, а то ведь рожать скоро, та и притаится на время. А потом снова за работу... Маленькая и угловатая – посмотреть, кажется, не на что, – но что-то в ней было такое, за что Фрол полюбил ее. И даже красавицей считал. Дескать, не та красота, что блестит, а та, от которой свет идет. Впрочем, с таким же теплом он относился ко всем орочонам, у которых, говорил он, лица рогожные, зато души бархатные.

В общем, родила ему красавица его тунгусочка сына. Глянешь – китайчонок какой-то, но зато свой, любимый. Не успел он подрасти, как второй шустрячок на свет появился. Этот сразу был похож на него – светловолосый и светлолицый, да и глаза, в отличие от первого, широко распахнутые. Потом она еще несколько раз в тягости ходила и снова рожала.

– Да куда ж ты все рожашь да рожашь? – спрашивал Фрола сосед его Гриха Антонов. – Или всю тайгу решил своими старовеками заселить?

А Фрол улыбается.

– Рожая, пока могу, – говорит, – а вот когда не смогу, другим начну завидовать.

А вот у Грихи с Клавдией был только один сын, да и тот непуть. Когда-то они втроем приехали в эти места за «длинным рублем» – не то с Волги, не то еще откуда. Трудились в артели. Гриха с сыном, которого он звал попросту Толяном, мыли золото по ключам, а Клавка обеды артельщикам готовила. Вначале приезжали на сезон, а когда надоело туда-сюда мотаться, решили прижиться в этих краях. Можно было бы, конечно, в райцентре себе жилье подыскать, но им больше нравилась глушь. Так и прибило их к тунгусам. Летом они уходили с артелью на дальние ключи, а зимой зверовали. В основном ходили за дичью – мяском тешились, а вот соболем да харзой с белкой пренебрегали. Впрочем, денег у них и без того хватало – тратить было некуда. Дом их был, как говорят, полная чаша – были там и ковры, и мебель всякая, и хрусталь, – не было только покоя. Уж больно Толян любил выпить, а когда выпьет, такие концерты устраивал – в цирк ходить не надо. Ера был, по пьяному делу задраться любил. И не только к чужим – порой и родителей мог погонять. А то и пальбу в огороде откроет, чем всю округу перепугает. «Гады! – орет на весь поселок. – Фашисты проклятые! Я вам сейчас устрою Сталинградскую битву...»

Кого он называл фашистами – неизвестно, скорее всего, это были его пьяные фантазии. Ведь никто ему ничего плохого не делал, напротив, все старались на цырлах вокруг него ходить. В том числе и поселковое начальство, и участковый следопыт, и родители.

Последним доставалось больше всех – видно, от нервов и померли. Были-то еще не старые, но вот ушли один за другим. Вначале ушла Клавка, потом Гриха. Оставили они после себя крепкий дом, полный всякой всячины, и сына дурака. Казалось, пережив такую утрату, тот возьмется за ум. Тогда б, может, и жизнь свою не хуже других прожил. А что? В доме всего полно, да и на работу в артель пока что берут... Взял бы да женился, да нарожал детишек. Нет, как был дураком, так им и остался. Вечно ходил пьяный, вечно побитый, как тот последний ханыга. А ведь раньше-то парнем был видным. Ну не Фрол, конечно, и все ж и его бог ни силой, ни статью не обидел. Чернявый такой, мордастый, глаза что у того цыгана – насквозь прожечь может. Любая бы девка за ним пошла, а он жизнь свою понапрасну растрчивал.

– Ты б, – говорил ему сосед Фрол, – бросил араковать-та... Доколе гулеванить-та будешь, голендай ты этакий? Вон все хозяйство отцово уже раздербанил – с чем останешься? Ведь пьянство твое погубит тя... Думаешь, ты как кошка живушша – да нет, ослабнешь и помрешь. Докуль мучить будешь себя, пень ты паршивый?

Тот на дыбы. Что, дескать, зарно? А вообще, какое твое дело! Молишься своему богу – вот и молись, а ко мне в душу не лезь.

– Да ты не взъедайся – гли-ка как разошелся! Я ведь дело говорю, – вздыхает Фрол.

А вечером, выйдя к жерденнику, за которым находился дом Ерёмы, и, увидев соседа, Фрол скажет:

– Я седни Толяна хотел в пузырь загнать, так рассердился – беда прямо... Ведь пропадет паря, ей-бо, пропадет. За ним догляд нужен, но кто будет доглядать? Была бы хоть жена... А тут впору ему домовешше готовить... Уж лучше бы еруном был, до девок охочим, а то одна водка на уме. Богодул! Пропадет...

У Фрола говор особый. Вроде и по-русски говорит, но как-то больно вычурно. И все равно его понимаешь. Христя, пожив с мужем несколько годков, тоже заговорила по-старинному. Бывало, скажет: здор вместо вздор или там – здохлый вместо дохлый. Люди дивятся: и когда нахватались? Но ведь говорят же: с кем поведешься, от того и наберешься.

А про гроб Фрол не зря вспомнил. Ведь и в самом деле парень пошел вразнос. Так что не ровен час...

Ерёме и объяснять ничего не надо было – он и без того все понимал. Почитай, половины его друзей детства уже нет в живых. А годы-то ведь еще небольшие – недавно лишь за тридцатник перевалило. И все эта водка, будь она трижды неладна. Нет, конечно, и он выпить был не прочь, но только никогда до соплей не напивался. А тут прочитал где-то, что тунгусские племена по своей внутренней крепости сильно уступают другим, что их организм плохо противостоит алкоголю, так вообще испугался. Вот, дескать, как, а я-то думаю: отчего это мой народ так быстро спивается? Оказывается, слаб он кишками. Значит, и не надо пить. Вон пастухи – им легче. Уйдут в тайгу и про водку забудут. Только лишь по праздникам и напиваются. Правда, после этих праздников никак в тайгу не хотят идти – давай им еще араки. Насилу начальству удается сопроводить их на ягеля. Но уедут – и забудутся. В работе ведь все забывается.

А вот в поселке с этим делом ненадежно. Магазин-то торгует водкой – кто запретит? Вот и покупают ее грешные души. Пьют, бывало, пьют и никак напиться не могут. А потом их на Черный ключ везут. Есть неподалеку один хорошо известный здешним людям распадок, где много лет назад обосновался погост. На могилах там нет крестов да звезд, потому как в них вольные люди – тунгусы – лежат. Лишь только камень большой на них сверху кладут – вроде как памятник. Гобчиком его здешние называют.

Глава третья

1

Пока не выпал снег, Ерёма и не думал соболевать. Это только неопытный охотник поспешит сейчас за соболем в тайгу. Но вот вопрос: куда он потом его денет? Ведь у того линька еще идет, ну а в заготконторе люди глазастые сидят – тут же забракуют. А зачем им такая забота нужна? Кто их товар потом купит? Ведь покупатель умный нынче пошел. Им подавай только первосортицу – от другого носы воротят, будто кто-то в городе понимает толк в соболях. Мех – он и есть для них мех. А тут, вишь, раздухарились, однако. Уже и в мехах стали разбираться. Ну, кто раньше знал, что по окрасу мех соболя подразделяется на три кряжа? Да никто! А теперь знают, что есть якутский кряж, есть баргузинский, есть амурский. И что самый лучший – это якутский. Хотя заготконтора берет любого соболя – они все уйдут у них на торгах. Народ-то городской нынче одеться шибко красиво любит, а соболь – это первостатейная красота. Из него и шапки шьют, и воротники к пальто, а кому-то и шубы из такого зверя перепадают. Но это для самых богатых – для министерских да цековских жен, для киноактрисочек известных да профессорш всяких. Это простому люду такие штуковины недоступны.

Ну ладно, деньги все-таки можно каким-то образом скопить, а что потом? Где взять тех же соболей? У перекупщиков? Но тех нынче пачками сажают за спекуляцию. Да их еще найти надо, этих спекулянтов. Оттого порой людям самим приходится ехать в тайгу, чтобы купить соболя. Но купить – одно, а ведь эти шкурки еще нужно вывезти на Большую землю. А в аэропортах милиция рыщет... Накроют – вот и кончилось твое счастье. В лучшем случае товар твой отберут, в худшем привлекут по статье за незаконную добычу зверя или же там за спекуляцию. А какие же они спекулянты, ежели шкуры-то для себя и для своей родни везли? Однако с этим строго. Все, что купил не у государства, – незаконно. Ну а государство само мало о людях заботится. Полки-то в магазинах пустые, а если что и есть, то только всякое малонужное да некачественное хламье. А люди жить красиво хотят...

Вот так примерно рассуждал Ерёма, когда ему выпадали свободные минуты. Идет, бывало, по тайге за зверем, снег под лыжами скрипит. Монотонно так и долго. А в такие минуты мысли сами ему в голову лезут. А так как он слывет человеком хотя и немногословным, но рассудительным, то и мысли не пустые его посещают. Одно дело – думать о том, какую приманку ему нынче поставить на соболя, другое – о жизни философствовать. Вот если бы у него еще грамматешки поболее было – тогда вообще было бы легче обо всем судить, а так только восемь школьных классов за плечами. Учился бы и дальше, да отцу с матерью нужно было помогать. Была бы хоть школа средняя в поселке – тогда другое дело. В вечернюю мог бы ходить. А пускаться за многие километры пехом в райцентр – не находишься. Ну разве что на оленях. Но и те устанут, пока доберутся по глубокому снегу до места.

Можно было бы, конечно, в тамошний интернат для детей оленеводов перебраться, но Ерёму эта перспектива не устраивала. Как же так, семья будет в нужде сидеть, а он где-то там прохлаждаться? Нет, такого Ерёма не мог позволить себе. Да и зачем ему все эти науки? Все равно ведь дальше тайги ему не бывать. Вот винтарем владеть, капканы ставить, охотиться по чернотропу да читать звериные следы на снегу – это другое дело. Но этому ремеслу его отец научил. Как научил он его владеть черканом – самострелом, дуть в оревун, подзывая зверя, выделывать шкуры хандавуном да чучуном. А ко всему прочему он еще и пастушье дело знает. Он и арканом, который эвенки маутом называют, с детства владеет, и выючное седло – эмэгэн – может на оленьем горбу закрепить, и нарты в оленьей упряжи для него привычное дело. Вот это его жизнь! И в этой науке он преуспел...

Теперь он ждет снега, чтобы отправиться в тайгу. Снег – это великая карта природы, по которой можно легко сориентироваться. Читай только ее и изучай – тогда она тебе всегда поможет и зверя найти, и в тайге не заблудиться.

Зимняя тайга, она не меньше привлекает, чем летом. Звонкая тишина оглушает тебя своей ранимостью. Искрится снег, будто бы усыпанный мириадами мельчайших алмазов. А на нем следы, следы... Сумеречно – словно бы вечер уже, а на самом деле только утро разгорается. Вокруг один листвяк – жалкий такой, понурый, и никакой жизни в нем. Еще с осени сбросил иголья свои, потому и притих, потому и стыдится своей наготы. Но вот среди этого застывшего уныния вдруг появится еловый или сосновый островок – и сразу оживет природа, заулыбается. И тебе уже становится веселее идти. А если еще начнешь следы на снегу читать, то и вовсе забавно будет.

Следы... Будто бы великая книга природы раскрыта перед тобой. Смотришь в нее и открываешь для себя все новые и новые тайны. Вроде бы все то же, что и всегда, а все же нет. Вон соболиные следы... Уж сколько их в жизни насмотрелся Ерёма, которого с десяти лет отец начал брать с собой в тайгу, но все одно: каждый раз они другими кажутся.

Бежит осторожная змейка крохотных следов меж деревьев, а за ними следы покрупнее. Ну да, это лисица. За кормом побежала, но почему-то не так смело, как обычно... Однако понятно почему: по ее следу пошли два волка, которых она, поди, уже учуяла, и только голод заставляет ее не пуститься наутек, а идти вслед за сободем. Матерые, лапища крупные. Догонят ли? А может, это их тени мелькают в стороне среди деревьев? Если так, то нужно быть начеку и держать свой винтарь наготове. А то не ровен час... Коли волк голодный, он ничего не боится. Наверное, зря он все-таки не взял с собой собак – те бы сейчас бежали рядом и отпугивали серых. Но беда в том, что тайга тишину любит. Так охотнику легче подкрасться к зверю. Собаки нужны только, когда на медведя идешь или же собираешься белковать. Они тебе быстро косолапого из берлоги выгонят, а что до белок, то хорошая лайка их учует и за полверсты. Приметит зверька на дереве и тут же даст знать об этом своим залившимся отчаянным лаем.

Все прозрачно и воздушно вокруг. Сердце радуется. И никакого страха в душе. Идет Ерёма, оставляя за собой неглубокую лыжню, осторожно идет, чутко. Так его когда-то отец научил. А отца – его отец... Так и выстроилась эта длинная цепочка, уходящая первыми своими звеньями в глубокую старину. Знать бы, кто был тот первый, кто зачал тунгусский род Савельевых на земле, – да разве узнаешь? Тажные люди говорят, что они пошли все от оленей. Так это или нет, но в школе Ерёму учили, что человек все-таки произошел от обезьяны. Однако откуда здесь, в тайге, взялись этим обезьянам? Нет, все-таки они, эвенки, оленьего рода. Сбросили однажды свои шкуры – и вот они, человеки тажные. Потому и не уходят они из тайги, потому и приживаются в городах плохо. То же самое олень или тот же медведь: приведи их в город – все равно в тайгу сбегут. Если, конечно, их в клетку не посадят. Но разве можно держать живую душу за железными прутьями?

2

Нынче Ерёма по привычке встал задолго до рассвета. Это только городские могут разлегиваться, а у них в тайге дел неуворот. Нужно к зиме готовиться. Всю прошлую неделю Ерёма на брусничниках провел, собирая ягоду. Жимолость и голубика давно уже у него в погребе покоились в коробах, теперь вот настал черед последней здешней ягоды. Для этого в семье Савельевых и берестяной биток – гуявун – имеется, и берестяные ведерки – мулевуны, и туески для хранения продуктов – тыгэруки – из той же бересты.

Что ни говори, а ягода, особенно брусника, здесь лучшее средство от цинги. У Ерёмы в сопках есть свои ягодники, на которые они еще с отцом ходили. Среди бескрайнего моря неустанно роняющих свои золотистые хвоинки лиственниц, среди этих красно-желтых листьев

берез, осыпающейся ольхи и черемухи – огромные поляны, сплошь усыпанные рубинами. Имикта там крупная – чуть ли не размером с ноготь большого пальца. Взмахнешь, бывало, гуявуном, что, поди, еще от деда остался, – брызги рубиновые во все стороны летят. Конечно, коли руками собирать ягоду, меньше мусора попадет в короб, но зато совком быстрее. Дома сядут и всем миром переберут. Благо есть кому. Там и мать, и жена, и невестка, жена Ефима Мотря, которую муж в этот раз оставил с грудным младенцем дома. А так она всегда была при нем. Пищу ему во время кочевья готовила, теплом своим в холодные ночи согревала. Так во время такого согрева и забрюхатила первенцем. Теперь вот ждет, когда ее Ефим на убой стадо с товарищами пригонит. Праздник будет на всю деревню, и ей особый праздник. Соскучилась – целое лето, считай, с мужем не виделись. Она и подарочки для него уже приготовила – несколько мурчунов, выючных сумок, собственными руками сшила, а еще сшила хутакан – мешок для хранения продуктов, а еще дамгарук – сумочку для табака и спичек, меховые носки – чурчан – и еще многое другое. Так что в безделье не сидела. Все это богатство до поры покоится у нее в эгасе – сумке для рукоделий. Вот приедет муж – тут же она и вручит ему свои подарки. А потом она выставит на стол бутылку араки, накормит его мясом и уложит в постель. Чай, молодые, гормоны-то о-го-го как внутри бесятся. И он будет терзать ее своими сильными руками, а она будет взрываться от чувств звонким дребезжащим смехом, словно обреченная на вечное счастье молодая лосиха; и даже стекла в их доме будут дрожать от энергии их страсти. И все в доме будут прислушиваться к их ночной борьбе чувств и завидовать им.

Скоро, скоро пригонят свое стадо пастухи с ягелей. Весь поселок уже заждался их. Любят люди праздники, ох как любят. Без них скучной была бы жизнь и однообразной. Проживешь ее – и не заметишь. А тут хоть вспомнить будет что. Тот же сломанный кем-то нос, глубокий шрам на лице и порванная ноздря – все напомним тебе о былом веселье. И от этого тебе тепло станет на душе.

А вот раньше, когда чужаки еще не пришли в эти края, тунгусы скромнее жили. Водку пили редко, а потому и ссоры, и драки здесь редко случались. Но вот появились незванные гости – и почалось. Ерёма слышал от стариков, как все это начиналось. Прибудут белолицые в оленьих упряжах, привезут водки – и давай ее выменивать на шкуры. Вначале старейшинам рода еще как-то удавалось сдерживать пьянство, понимали, что это грозит таежным людям бедой. А потом и старейшины не устояли перед соблазном и тоже пошли в разгул. Страшное это дело – огненная вода! Она и до сей поры народ здешний губит. И никто не найдет на нее управу, потому что и искать никто не хочет. Будто бы кто заколдовал их, людей здешних. А только ли их? Ерёма знает, что такая же горькая участь постигла и другие народы, чьи племена разбросаны по бескрайним просторам сибирской и дальневосточной тайги, по берегам холодных морей и рек, по малым и большим островам и по тундре. Это и гиляки, и нанай, и удэгэ, и орочи, и якуты, и негидальцы... Да мало ли их! Пропадают люди... Брат Ерёмы Ефим побывал со своим стадом во многих краях – так всякого навиделся. Через водку, говорит, вся тайга скоро опустеет от людей.

А вот семья Савельевых испокон считается малопьющей. Поселковые толкуют, что это все оттого, что в их роду были русские. А у тех желудки, мол, покрепче тунгусских будут, да и жадности до водки такой нет. Есть, конечно, и среди них пьяницы – взять того же Толяна Антонова, – и все же они не так захлебываются в этой беде. А некоторые из них вообще непьющие. Фрол Горбылев, к примеру, и слышать о водке не хочет. Впрочем, он старообрядец, а у тех строго с этим. И эту строгость они с детства у детей воспитывают. И курящих среди них нет – тоже «не можно».

...Набрав ягоды на зиму, частью замочив ее, частью заквасив, Ерёма отправил ее в глубокий погреб, что когда-то еще с отцом вырыл во дворе, после чего решил заняться домашним хозяйством. Во-первых, надо было подправить лабаз – небольшой сруб о четырех столбах, без которого, пожалуй, не обходилась ни одна семья ороحوнов. Это пошло еще со стойбищ,

где эвенкам, которые сами себя называли ороचनाми, то есть оленными людьми, приходилось прятать высоко над землей продукты от назойливого и вездесущего зверья. В лабазе у Ерёмы зимой хранятся запасы продовольствия, охотничье снаряжение, добытая в тайге пушнина. Еще в прошлом году хотел он сменить два подгнивших столба, да все руки не доходили, но вот сейчас решил. Но, перед тем как загнать свежие бревна в землю, их нужно было хорошенько обтесать и смазать жиром для лучшего скольжения – только тогда те же росوماха или медведь не смогут вскарабкаться по ним в хранилище.

А еще ему нужно избенку подгоить – течь в крыше устранить, веранду поправить, стеклину вставить в окно вместо той, что его младший постреленок Федька на прошлой неделе разбил мячом. Большак-то его Колька уже вырос из баловства, скоро он его в тайгу начнет брать – чай, уже двенадцать, – а вот Федька еще балбес, хотя уже во второй класс ходит. Ну да ладно, все были несмышлеными птенцами, но ведь выросли и поумнели. Но Колька – молодец, он радуется отцу и своим послушанием, и оценками, которые приносит из школы. Толковый пацан. Таким и Ерёма рос. Смотрит он сейчас на сынишку и узнает в нем себя. Такой же жилистый и крепкий. У него даже лоб его, и нос не такой приплюснутый, как у их сородичей. И лицо не круглое, словно луна, – такое у Федьки, потому как он в мать, – а продолговатое; и губы у них схожие – густые и непослушные; волосы так и торчат во все стороны – будто бы елочные иголки. Но самое главное – это глаза. Лучистые и внимательные, и в них мысль родником пульсирует. А если посмотреть, как Колька ходит, – так тут точно скажешь, что это его сын. Вот так же шустро двигались и дед Ерёмы, и его отец. И пехом шустро, и на лыжах шустро. Таким вот выносливым и шустрым был весь их род.

Одно лишь отличало отца и сына – у Ерёмы был глубокий шрам на правой щеке, протянувшийся от губы к уху. Кто-то решит, что это его амака на охоте когтем зацепил, но на самом деле это его полоснули большим гиляцким ножом, когда он однажды вечером пытался остановить в поселковом клубе пьяную драку.

...Когда избу подгоил чуток, скопил горбушей старую траву вокруг дома, после чего стал заниматься дровами. Дом большой, с четырех комнатах, и зимой его еще нужно умудриться протопить. Так что дров требуется немало. Хорошо, что Степка в школе работает, – им, интеллигенции здешней, топливо бесплатно привозят. Нужно только распилить лесины на чурбаки, а те потом поколоть на дрова. Здесь у каждого жилья вдоль городьбы поленницы дров имеются. Высокие такие, где смоляное полешко к полешку лежит и глаз радуется. Ощупаешь порой это хозяйство взглядом, и на душе теплее становится. Будто бы уже топку разжег.

Помашет Ерёма колуном, похрюстает чурбаки на части, потом уже острым топориком дело до конца доводит. Большие-то части в поленницу не пойдут – нужно на мелкие рубить. Порубит-порубит, потом сядет на пенек и запалит трубку. Сидит попыхивает дымком и, уставившись в одну точку, о чем-то думает. Невысокого роста, но жилистый и крепкий, он когда-то был завидным женихом в поселке. Многие пожилые пастухи и охотные люди готовы были отдать за него своих дочерей. А что, человек он малопьющий, работающий, а к тому же удачливый охотник – чего еще нужно? Но он выбрал одну – Арину, дочь шамана Ургэна, который по паспорту значился Митряем Никифоровым. И вообще шаманство было как бы общественным его поручением, а на самом деле он являлся старостой поселка.

Род Никифоровых знатный. Были среди предков Митря и старейшины рода, но больше шаманов. И это искусство передается из поколения в поколение. Местная «партейная» власть не очень-то приветствует это дело, однако смотрит на Митряевы штучки сквозь пальцы. Правда, предупредило, чтобы он не слишком-то увлекался своим шаманством – разве что по праздникам. Ведь тогда это будет выглядеть всего лишь национальным обычаем, что-то вроде гопака у хохлов или же там польки-бабочки какой. Ведь тоже танцы, только ритуальные. По крайней мере, это преподносится заезжему районному начальству, которое нет-нет да нагрывает в эти глухие края, как обыкновенная художественная самодеятельность. И только сами

тунгусы, как их порой по старинке называют русские братья, понимают глубинный смысл этого обряда. Понимают и серьезно к нему относятся. Ну не может генетическая память просто так взять и исчезнуть. Все помнит густая и тягучая, словно река времени, кровь орохонов, все чувствует. Лучше всякого механизма. Потому как это кровь...

У Ерёмы, можно сказать, это поздний по здешним меркам брак. Бывало, что и в пятнадцать лет пацаны становились мужьями, а тут мужик уже армию отслужил да потом еще два года в холостяках ходил. А ведь когда-то этот возраст считался критическим. Жили-то мало – то цинга убьет, то чахотка задушит, то еще какая напасть свалится на голову, – вот и торопились жить. Бывало, что матерями в двенадцать лет здесь становились. Но вот беда: мужиков постоянно не хватало для расплода. Оно и понятно: кто-то от водки сгорит, кого-то амикан на охоте задерет, с кем-то иная беда приключится. Женщины – те больше дома находятся, потому с ними реже беда случается. Вот и приходилось таежным мужчинам брать в жены сразу двух девах. А у самых богатых и того больше было. И ничего, справлялись. Рожали детей, выкармливали-выхаживали их и во взрослую жизнь провожали. Кто хотел, тот отделялся от родителей, а часто так всю жизнь сообща и жили. Как те же Савельевы. Так веселее и надежнее. Бабы варят, шьют да штопают, мужики пищу добывают. Чем не жизнь? Главное, чтобы им никто не мешал. А то ведь наступление пошло на тайгу, рубят ее почем зря, пустынь наводят, а куда тогда тунгусам деваться? Но да кто там, в больших городах, об этом думает! Главное, была бы своя выгода во всем. Если так пойдет, скоро в тундру придется из тайги бежать. Но, говорят, что и туда чужаки пришли, – нефть добывают, газ, еще что-то там. Беда, одним словом...

Глава четвертая

1

Раннее утро. В доме теплом народ надышал да кишками воздух испортил, а на улице свежо и остро чувствуется приближение зимы. Вот уже и свежим ледком дохнуло со стороны тундры, и закуржевело все вокруг – и деревья, и жухлая трава, и крыши изб. Горы пока что еще сдерживают напор севера, но надолго ли? Скоро, скоро придет зима с ее лютыми морозами, с глубокими снегами и метелями. С одной стороны, это беда, однако зимой основные заработки только и случаются. Соболь там, мясо, то се... Это медведи да бурундуки зимой спят, а человек, напротив, на охоту выходит. Конечно, встречаются порой всякие там гуляндаи да гнусены о двух ногах, те, которые могут дни свои в утехах коротать, а добрые мужики делом занимаются. Оттого у них и в доме тепло и сытно, и жены с детьми веселые да румяные. Открой любой голубец в таком доме, и сам увидишь, что под ним всякого продукта навалом. Разве что картохи нет – ну не растет она в этих краях, а если и растет, то курам на смех. Потому таежные люди и не знают ее вкуса, и если что и готовят из городской пищи, то только макароны. Бывало, приедет молодежь на учебу в город, а там где студенты питаются – ясное дело, в столовках. Все вокруг картошку за обе щеки уплетают – с детства привыкли, – а таежные дети на одни макароны нажимают. Мяса-то тью-тью в городе – вот и приходится довольствоваться тем, что бог послал. Дело-то привычное – вкус этих макарон им давно знаком.

Ерёма уже решил для себя, что, когда его старшой Колька вырастит, он тоже его отправит в институт, на крайний случай – в техникум какой. Хочет, чтобы умным стал. Коль самому не довелось в городах поучиться – а он до сих пор где-то в глубине души завидовал младшему брату, который аж в самом Ленинграде побывал и выучился на учителя, – то пусть его дети мир посмотрят да ума-разума наберутся. Степан говорит, что в Ленинграде специальный институт для народов Севера существует, – вот туда и пошлет Ерёма Кольку. А то вдруг тайгу и впрямь под корень изведут – чем тогда ороочонам заниматься? А тут у Кольки диплом учителя, как и у его дядьки... Главное, чтобы через водку весь род таежный не извелся, иначе учить уже будет некого. А то ведь изводится, да еще как изводится... Дома вон пустые стоят – жить некому. Вот и едут кому не лень в эти места. Ладно еще, если люди хорошие, а то ведь и такие, как Толян Антонов, прибиваются, а бывают и похлеще. В прошлом году тут два беглых ээка зимовали. Такого шороха навели – долго их будут помнить. Они и пили, и поножовщину устраивали, и девок молодых портили. В общем, злой дух, а не люди то были. Слава северным богам, не потерпели они такого сраму и навлекли на них беду. Короче, зарезали их местные по пьяни, а тела их в тайгу снесли. И все, и молчок. Даже участковый сержант Саенко, тот, что из русских хохлов, не пикнул. Как говорится, закон – тайга, а прокурор в ней – медведь... Тут ведь как: нас-де не интересуют твои прежние грехи, поэтому выдавать мы тебя не собираемся, но коли пришел, то живи по-человечески, не будешь – тогда гляди...

Но сам бы Ерёма в Ленинград уже сейчас не поехал. Раньше – другое дело, а теперь семья, теперь он крепко прирос к тайге. И вообще он не любит эти сумасшедшие города, где и остановиться-то передохнуть от такой жизни негде. Куда ни сунься – везде тебя грохот этот дикий преследует. И как у этих городских выдерживают перепонки? Вот и боится Ерёма городов, и у него нет никакого желания бывать там.

Однако этим летом ему пришлось-таки побывать в области – ездил на слет передовиков производства. Даже выступить заставили, сунули в руки какую-то бумажку и вытолкнули на сцену. Кое-как прочитал он, что там было написано. Смущался, дрожал весь, но читал. Ему за это даже поаплодировали. А тут к нему в перерыве какой-то человек подходит. Высокий такой,

статный, волосы с легкой сединой тщательно назад зачесаны. И одет богато – костюмчик на нем с иголки. Ерёме в своей вытертой куртке из ровдуги да кожаных шкерах, гачи которых были заправлены в ичиги, даже страшно было стоять рядом с ним.

– Ты из Бэркана? – спрашивает он Ерёму, видимо, запомнив слова ведущего, который представлял того собравшимся.

– Ну... – отвечает Савельев.

– А я ведь бывал в ваших местах, правда, это давно было.

Услышав это, Ерёма оживился, а то ненароком подумал, что его сейчас опять к какому-то начальству затребуют, чтобы новое поручение дать. А ему уже одного выступления по бумажке хватило.

То был управляющий областной конторой Госбанка СССР Николай Иванович Волин.

Разговорились, вернее, говорил в основном Волин, а Ерёма только глазами моргал да слушал. Оказалось, Николай Иванович даже по именам помнит многих бэрканцев. И отца Ерёмы помнит, и его деда... Говорит, такое никогда не забывается. Он смеется, а Савельев с удивлением смотрит на него и не понимает, что это он. Вроде ничего смешного никто не сказал – нет же, осклабился, как тот выучный олешек, которого куском сахара угостили за прилежную работу.

Ерёме было интересно послушать чужого человека – что ни говори, а каждый такой разговор тебе пищу для ума дает и заряжает какими-то знаниями. А он считает, что человек потому и человек, что многое знает. В отличие от зверя, хотя и тот стремится расширить свой кругозор.

2

Если Савельев понял правильно, советский банкир Волин доволен своей судьбой, несмотря на определенные сложности, которые выпали на его долю. Родился он во второй год после революции в небольшой тверской деревеньке. В крестьянской семье Волиных было пятеро детей – он старший, по-здешнему большак. Ну разве он думал, что когда-то судьба его забросит на край света? А ведь забросила... Но перед тем был Ленинградский учетно-экономический техникум, который он окончил перед самой войной. Что его толкнуло пойти в эту скучную профессию, он и сам не знает. Видно, все дело было в том, что перед тем, как определиться с учебой, Колька поработал в своем родном селе учетчиком.

При распределении молодой финансист попросил, чтобы его направили в какую-нибудь глушь. Ну было такое, когда вся страна жила в едином романтическом порыве. Послали их тогда четверых выпускников в читинскую контору Госбанка, откуда Волина направили в далекий-далекий район, расположенный аккурат на границе с Якутией – за сотни километров от областного центра.

– Около месяца потребовалось мне, чтобы добраться до места назначения, – рассказывал он Ерёме. Наверное, встретив человека из тайги, потребность у него возникла рассказать о своей молодости. А может, просто была привычка поболтать. Однако Ерёма слушал его старательно. – Только до Читы поездом ехал двенадцать суток. Из Читы до Средней Нюкжи, где мне предстояло жить, тоже долго добирался. Вначале приехал на станцию Бам, что на Транссибе, – перед самой войной там как раз заключенные строили бамовскую ветку.

А потом Колька в «телячьем» вагоне, в каких перевозили заключенных, отправился по этой самой Бамовской ветке до станции Беленькой. Тогда, говорит, их на каждом шагу предупреждали: товарищи, мол, будьте осторожны, потому как вокруг здесь много беглых заключенных. Могут ограбить и убить. Вот такая, говорит, слава была у того довоенного «зэковского» БАМа. Теперь вот тоже, говорит, начали строить в тайге железную дорогу, которая финансируется через его банк.

– Сам-то слышал про эту стройку? – спрашивает Волин Ерёму. – Или вам в тайге там все, как говорится, до лампочки?

Савельев пожимает плечами. Вроде, мол, что-то слышал.

Волин смотрит на часы. До конца перерыва еще есть время. Можно было бы сходить в буфет и выпить сто граммов коньяку, но он почему-то медлит. Прилип к этому молодому тунгусу и все тут.

– В общем, – решил продолжить он свой рассказ, – оказался я на станции Беленькой.

А от Беленькой до места ему нужно было добираться через нехоженую тайгу. Два дня он шел охотничьей таежной тропой. Был август. В тайге зверствовал гнус. Тяжело пришлось парню с непривычки. Но все же дошел. Встретил его в поселке управляющий нюкжинским отделением Госбанка, за стол сажает, чаем угощает. А Волин едва на ногах держится. Простите, говорит, устал, почти месяц до вас добирался – мне бы сейчас отоспаться.

Работать Николай Иванович стал по специальности – кредитным инспектором. Жил в бараке, в одной комнате с двумя разновозрастными мужиками. Помнит, один был разнорабочим, второй – буфетчиком. Самый молодой – Колька.

В те времена эти места уже успели прославиться своим рассыпным да рудным золотом. Но после войны, говорил Николай Иванович, все развалилось – как-никак золотопроизводство на зэках держалось. Теперь вот снова пытаются возродить там добычу драгметалла.

– Правильно я говорю? – обращается он к Ерёме.

Тот снова в ответ только пожимает плечами.

А вскоре у Волина произошел, по сути, первый значительный в его жизни конфликт, когда ему пришлось не просто встать за правду, на защиту буквы закона, а сделать самый настоящий нравственный выбор.

– Знаешь, – говорит он Савельеву, – меня в техникуме учили одному, а здесь заставляли работать по-другому.

А произошло вот что.

В то время банк выдавал предприятиям и организациям денежные ссуды под материальные ценности. Имеешь, к примеру, товара на миллион рублей – пожалуйста, можешь брать ссуду в миллион рублей. То есть деньги были обеспечены ценностями. И вот Колька захотел проверить, правильно ли их отделение банка выдает ссуды. Стал собирать сведения о наличии ценностей, о том, обеспечены ли были ссуды или нет. Раньше в отделении этого не делали, но вот молодой банкир решил, что будет работать, как положено. Как оказалось, в большинстве случаев у получателей ссуд товарных ценностей было меньше, чем выделенных им денег. Среди этих получателей денежных ссуд были райпо, золотопродснаб, Нюкжинский прииск и еще кто-то там. Колька стал выносить им просрочку и требовать повышенные проценты за кредит. В итоге получилось, что предприятия не стали рассчитываться с поставщиками. В районе переполох. Кольку вызывают в райком партии и требуют объяснений.

Что же ты такое творишь, дорогой товарищ, спрашивают его. Из-за тебя, мол, поставщики прекратили отгрузку товаров для района. Ты что, вредить к нам приехал? А время-то, говорил Николай Иванович, было серьезное – искали «врагов народа», кругом репрессии. И вот он принялся убеждать райкомовцев, что поступает правильно, пытаюсь бороться с финансовыми злоупотреблениями. Но его и слушать не хотят. А вскоре в райцентре объявился заместитель управляющего читинской конторой Госбанка – видно, разбираться приехал. Стал он смотреть, как Колька делает расчеты. Посмотрел и уехал. После этого Волина вызвали в Читу. Ну все, думает, конец моей карьеры пришел. Но это в лучшем случае. Ведь могут и посадить как «врага народа».

В Чите его принял сам управляющий конторой Госбанка. Ну, здравствуй, говорит, академик. Расспросил он Кольку о работе, о том, как ему живется в тайге, а потом вдруг заявляет: ты, брат, все правильно делаешь там, у себя, все по закону, и за это тебе большое спасибо.

Это был, может быть, как сегодня говорят, звездный час для Волина. Его заметили. В него поверили – и как в грамотного специалиста, и как в человека. И вот результат: в начале войны, когда управляющего нюкжинским отделением читинской облконторы Госбанка взяли на фронт, на его место поставили Кольку Волина. Тот тоже просился на фронт, но ему в райкоме сказали, что-де и в тылу кто-то должен работать, вроде того, что победу ковать...

– А хочешь, я тебе расскажу, как я вашего брата-кочевника к земле привязывал? – Николай Иванович улыбается. – Короче, в нашем районе было несколько эвенкийских поселений и одно из них ваш Бэркан. Перед войной, когда тебя, поди, и на свете-то еще не было, вышла директива, обязывающая кочевой народ вести оседлый образ жизни. Это относилось не только к тунгусам, но и к другим народам Севера и даже, веришь ли, к цыганам.

В этом месте Волин делает паузу и снова смотрит на часы.

– Э, брат, нам пора... Как-нибудь в другой раз я тебе все доскажу, – неожиданно произносит он.

Похлопав таежного человека по плечу, он повернулся и пошел в сторону конференц-зала, куда уже устремились нескончаемым потоком другие участники слета. Он ушел, оставив после себя кучу вопросов в голове Ерёмы, а еще крепкий, бьющий в нос запах мужского одеколона. Ерёма в жизни не пользовался одеколоном, поэтому его смутил этот запах. Будто бы из тайги он шагнул прямо в салон модных причесок.

«Однако хороший человек, этот банкир, – подумал Ерёма. – Были бы все такими – меньше было бы зла на земле».

Глава пятая

1

Оставшуюся часть заседания Ерёма сидел как на иголках. Его шибко заинтересовали слова того высокого красивого дядьки, который подошел к нему в фойе и затеял с ним разговор. Иной бы из соплеменников Савельева, может, и не придавал им значения, но Ерёма по натуре был человеком любознательным, и если ему выпадал случай узнать что-то новенькое, особенно если это касалось истории своего народа, то он его не упускал. «Хорошо бы отыскать этого городского, который назвался его земляком, – пусть доскажет то, что он ему недосказал», – думал Савельев. Он даже попытался разглядеть его среди присутствующих, но, как он ни крутил головой, знакомой светло-рыжей шевелюры банкира так нигде и не увидел.

И все-таки он его нашел. Но это уже было после окончания мероприятия. Тот шел в толпе участников слета, которые, устав от многочасовой пустой болтовни, с готовностью ринулись к выходу. Высокий, широкоплечий, в соломенной шляпе на голове, которая, однако, не помешала Савельеву узнать его. Он бросился за ним следом.

– Постойте... Эй, постойте! – кричал он ему, но Волин его не услышал. Да если бы и услышал – разве бы он понял, что это зовут именно его?

И тогда Ерёма принялся расталкивать публику локтями. Люди недовольно ворчали, кто-то даже толкнул его кулаком в спину, но он не обращал на это никакого внимания. Лишь бы только не упустить из виду этого банкира, лишь бы не упустить...

– Постойте! – И Ерёма наконец коснулся Волина рукой.

– А-а, это ты? – оборачиваясь, протянул Николай Иванович. – Ну и как тебе конференция?

– Хорошо... Шибко хорошо! – ответил Ерёма. – Умные люди, шибко умные...

Банкир улыбнулся.

– Ну что, земляк, может, ко мне махнем? – спрашивает он Ерёму. – Моя Анна Петровна, поди, и ужин уже приготовила.

Ерёма пытался отказываться, но куда там! Николай Иванович и не думал отпускать его. Ну как, дескать, не выпить по рюмке с земляком? Пошли...

Анна Петровна встретила гостя, как подобает хорошей хозяйке. Тем более, как сказал муж, этот человек был его земляком. Она тут же накрыла стол в зале, уставив его вкусно пахнущими блюдами. Будто чувствовала, что Николай придет не один, – наготовила на целую роту. Здесь и картошечка тушеная была с мясом, и блинчики со сметаной, и нарезки всякие, и соленья, а ко всему еще и бутылочка «Столичной». Ешь, как говорится, – не хочу!

Ерёме интересно было впервой побывать в городской квартире. Он с любопытством рассматривал все, что попадалось ему на глаза. И все время удивлялся, покачивая головой. Дескать, во как живут городские! Вот он увидел портрет хозяина квартиры на стене. Однако похож, подумал. И кто так хорошо рисует? А вот буфет темного дерева, битком набитый хрусталем. Он с ужасом посмотрел на всю эту посуду, при этом вспомнив своего непоседливого Федьку. Тот бы точно все это вмиг разгрохал, подумал он. И вон ту вазу, что стоит на журнальном столике, разбил бы, и книги бы все разорвал... Кстати, куда столько книг? Он удивленно смотрит туда, где, прижавшись к стене, определился рядок книжных шкафов за стеклянными дверцами. Вот и дверцы бы эти Федька враз расколошматил. Нет, нельзя нам в доме все это иметь, хватит и одного стола с лавками да лежачков для спанья. И простору тогда больше, и надеги.

– Ну, мужчины, идите мойте руки – и за стол... – проговорила наконец хозяйка, невысокая чуть полноватая женщина с добрыми материнскими глазами, которую, как и мужа, время уже тронуло сединой.

Потом они сидели за столом и ужинали. Когда немного разогрелись, когда выпили и закусили, Николай Иванович сказал:

– Ну так вот, дорогой мой земляк... Я тебе начал давеча уже рассказывать... – Он закуривает и предлагает сигарету Ерёме. Тот не отказывается. Анна Петровна бросает недовольный взгляд на мужа – у них принято было курить на балконе, – однако смирилась. Чай, гость в доме – пусть потешатся. Правда, ночью придется помучиться – запах-то едкий останется... – В общем, – с обычной легкостью старого кураки выпуская одновременно дым из ноздрей и изо рта, произнес Волин, – вышла тогда эта директива по кочевым людям, которая предписывала им вести оседлый образ жизни. Но насильно, как говорится, мил не будешь – так придумали способ, чтоб привязать их к земле...

Ерёма покачал головой и вздохнул.

– Что вздыхаешь? – улыбается Волин. Водка и вкусная еда придали ему настроение. А то ведь весь день пришлось скучать, слушая эту бесконечную болтовню. Ладно бы дело говорили, а то так, ни о чем. Партию с пятилетками все славили да клялись-божились, что будут и впредь работать хорошо. Тоска! Едва не заснул... Сидел и все время клевал носом.

– Плохое это дело, ой плохое! – говорит охотник.

– Ты это о директиве, что ли? – спросил Волин.

Ерёма кивает в ответ.

– Может, ты и прав, – вздыхает Николай Иванович. – Но им там, в Москве, виднее... Верно, хотели ускорить социальные процессы – вот и принимали всякие решения... В общем, задача была поставлена – нужно было привязывать людей к определенным местам, а для этого требовалось построить новые поселки. Однако полностью взять на себя расходы государству было не под силу. Время для страны было тяжелое, к войне готовились. Фашист-то у границ наших стоял. Приходилось много средств тратить на оборону.

И вот однажды, а было это перед самой войной, Колька Волин отправился в тайгу с важным поручением – нужно было составить договоры с эвенками на выдачу им денежных ссуд для строительства домов. Такое практиковалось впервые, и потому он остро чувствовал свою ответственность перед государством, доверившим ему столь важное дело. По договорам, которые ехал заключать молодой банкир, эвенки должны были возместить выданные им ссуды за счет средств, которые они выручат от проданной государству пушнины, оленьего мяса и дичи.

Дело было в конце августа. Прихватив с собой необходимые в дороге вещи, Колька сел в старенькую двухместную лодчонку, которую ему выделило начальство, и в одиночку отправился вниз по Нюкже. До первого эвенкийского поселка Бэркана, где находилась центральная усадьба колхоза «Таежный», было не меньше трехсот километров. А речка очень опасная – одни стремнины да пороги, – попробуй справишься в одиночку при таком бешеном течении. Когда по ней плывешь, нужно быть очень внимательным – иначе беда.

Трое суток добирался Колька до Бэркана. Прибыл чуть живой, на ногах едва стоит. Такого натерпелся! Однажды даже искупаться пришлось, когда на одном из порогов бурное течение перевернуло лодку. Да не просто искупаться, а, без натяга говоря, побороться за жизнь. Однако пронесло. Молодым был, сильным, сноровка была. Помню, говорит он Ерёме, приплываю к стойбищу, – а поселка как такового еще и не было, в самом деле, настоящее стойбище, – гляжу: дымы идут из чумов. Вышел я из лодки, иду на эти дымы, а тут вдруг из одного чума эвенк выскакивает с ружьем. Ух, говорит, а мы-то думали – медведь... А их, этих медведей, в тех краях тьма-тьмушая. Пока Колька плыл на лодке, столько их насмотрелся. И в одиночку они бродили по берегу, и семьями. Что-то все мышковали, видно, за рыбой охотились. За харюзами там или ленками.

Гостям на далеких стойбищах всегда были рады. Эвенки – люди приветливые и доверчивые, одного они не любили – когда им пытались навязать чью-то волю. Потому как, будучи отродясь людьми свободными, боялись оказаться в клетке. А ведь на эту их волю постоянно кто-нибудь покушался. То это были воинственные соседние племена, то заокеанские миссионеры, а тут вдруг казаки сплавом добрались до этих мест и стали строить свои военные поселения рядом со стойбищами. Чтобы не спугнуть тунгусов, эти люди обещали им манну небесную, а на самом деле потихоньку вовлекали их в свой круг интересов. Так что те и опомниться не успели, как стали составной частью огромной державы, прибравшей вконец к своим рукам всю тайгу.

К тому времени, когда Колька Волин оказался в Бэркане, эвенки давно уже позабыли, когда они были вольными людьми. Ну да это бы еще ладно, кабы государство в душу к ним не лезло, кабы оно позволяло им жить так, как они жили многие сотни, а то и тысячи лет. Так ведь нет – в колхоз их всех загнали, планы спустили, а теперь и вовсе обрекают их на оседлое существование. То есть если стойбище – то временное, а вообще все должны быть прописаны в едином месте. Но какой же из орочона оседлый человек? Сиднем ведь зверя не добудешь и оленей не накормишь. Нужно движение, нужен постоянный поиск, а тут – на тебе. Цивилизованными их хотят сделать. А может, вы еще завод нам тракторный поставите и всех нас заставите встать на конвейер? Вот уж насмешим весь мир. Это то же самое, если бы американского эскимоса вдруг заставили паровозом управлять. А у наших не заржавеет. Оттого и настороже живут тунгусы, оттого и тревога змеей вползает к ним в душу, когда они видят чужого человека. Эти, мол, с Большой земли, просто так не приезжают, этим всегда что-то нужно от них...

Вот и приход Кольки Волина насторожил людей, особо когда они узнали, с какой целью он здесь нарисовался. Высыпали из чумов и этак с немой тревогой смотрят на него. А тут он бутылку спирта вытаскивает – ба! Это был вроде как пароль или ключ к сердцам оленных людей. Засуетились они, отобедать зовут. Нет, не зря бывалые люди советовали Кольке, чтобы он побольше спиртного с собой прихватил. Погано это, но что поделаешь? Нужно выполнять задание.

Обедали в самом большом чуме, что принадлежал старейшине стойбища, который временно исполнял должность председателя колхоза. Всех желающих отобедать с гостем вместе не удалось – пригласили только избранных, тех, кто авторитетом пользовался у соплеменников. Были тут и знатные оленеводы, были лучшие зверовые люди, даже лучший медвежатник присутствовал. Ели отварную оленину, выпивали. Кто-то притащил запеченного в глине под костром тайменя – и того умяли. Когда выпили – разговорились. Колька подробно объяснил людям, что ему надо. Вопрос решили быстро: эвенки согласились заключить с банком договоры. Теперь можно было с легким сердцем возвращаться домой. Но по реке против течения не поплывешь – нужно было идти через тайгу. Для этого Кольке потребовалась целая неделя. А мог бы и заплутаться, если бы не эвенк, которого старейшина специально определил ему в сопровождающие. Правда, тот, указав Волину направление, с полпути повернул назад. Дескать, самый сложный участок мы с тобой, начальник, прошли, теперь ты и с закрытыми глазами доберешься.

И пошел Колька один по таежной тропе. О чем он тогда думал? Может, о том, как он несчастен, попав в эту глухомань, где можно запросто сгинуть в лапах дикого зверя? Или же он был совершенно уверен в том, что вернется домой живым и невредимым? Он шел и чувствовал, как бьется в тревожном напряжении его сердце, как ворочаются и урчат в неясной панике его кишки, как мучительно тяжело работают его мозги и вздрагивают чуткой тетивой нервы. Маленький человек, почитай, песчинка в этом огромном море добра и зла, когда величие увиденного в любой момент может обернуться смертельной опасностью. Страна безмолвного коварства и неожиданностей. Страна бесконечного восторга и отчаяния. Вокруг ничего, кроме деревьев, что своими острыми наконечниками вонзаются в бездонное синее небо.

И вдруг это бездонное небо на глазах меняет цвет, превращаясь в темную с косматой кипенью завесу. Пошел дождь. Его тяжелые крупные капли забарабанили по Колькиной спине. Вот, черт, подумал он, этого еще не хватало. А дождь становился все сильнее и сильнее. И не спрятаться было от него, не скрыться. Через полчаса Волин уже вымок до нитки.

А дождь не перестал и к вечеру. И весь следующий день он лил, словно бы кто-то перевернул на тайгу огромное, величиной с океан, корыто. И чем дальше, тем все сильнее и сильнее. Сезон дождей... Они теперь идут день и ночь, проливные, неукротимые. Поднялись речки. Идти дальше было невозможно, и Волину пришлось на неделю задержаться в случайно повстречавшемся ему на пути небольшом поселке оленеводов. Не то Чильчи, говорил Николай Иванович, называется, не то Лопча. Купил он у эвенков двух оленей, думал, теперь-то он на всю зиму мясом обеспечен. Главное теперь – добраться с ними до дому. Однако вскоре ему пришлось там же в поселке с ними расстаться: не было корма.

Через неделю, когда кончились дожди, Волин отправился в путь. Ему дали лодку – пехом идти уже было невозможно, потому как речка Чильчи, выйдя из берегов, затопила огромные пространства тайги. Глянешь – вокруг одно сплошное море. Вот по этому морю и пустился на веслах бедный Колька. А тут буря. Ураганный ветер, волны, щепы летят... А сверху огромные черные тучи снова норовят пролиться дождем. И вот теперь Кольке стало страшно. Когда стихия застала его в лесу – это одно, но теперь он плыл среди огромных волн, которые готовы были в любую секунду опрокинуть его лодчонку.

2

То ли бог ему помог, то ли леший вместе с водяным, но только ему удалось-таки добраться до берега.

Привязав лодку к дереву, он отыскал тропу и побрел по ней встреч солнца. Так ему наказали оленные люди. Потом были новые речки, правда, уже не такие глубокие и коварные, как Чильчи. Он находил брод и таким макаром преодолевал их. Так же вот он думал перейти и Уркиму, но тут вдруг его подхватило течением и понесло. Все, что у него было с собой – а это большая рыбина, которую он купил у эвенков, пуховая шаль для матери и продукты, – унесла вода. Слава богу, сам хоть цел остался. Отчаяние ли, страх ли, а может, то и другое вместе придало Кольке силы, и он в конце концов выбрался на берег. Отдышавшись, продолжил путь. Он шел и шел, ущупывая воздух каждым нервом. Наступил вечер. Что делать? Куда идти? Начинался сентябрь, а на севере в эту пору днем еще ничего, но ночью холод пробирает до костей. Глядь, впереди какие-то копешки виднеются, в них он и передрожал до утра. А утром проснулся и не знает, в какую сторону идти. Пошел куда глаза глядят. Идет, ягоды – а был сезон брусники – собирает. Голодный ведь. Силы уже были на исходе, когда он вдруг услышал стук топоров. На этот шум и побрел. Оказалось, то старатели были. Те и «обрадовали» его, заявив, что он ушел от своего поселка верст на двадцать в сторону.

Оказывается, его давно уже ждали. Из Бэркана по рации доложили, что он недели полторы как ушел от них, а вот куда пропал, никто не знает. Ясное дело, начался переполох. На поиски уже собирались идти, а тут сам Колька объявляется.

– Вот так мы, брат, и завоевывали тайгу, а вместе с ней и сердца твоих сородичей, – улыбается Николай Иванович и предлагает Ерёме жажнуть еще по одной.

Тот не против. Выпили они.

– Да ты закусил бы, браток, что рукавом-то занюхиваешь? – говорит Волин.

Ерёма, забыв по хмельному делу про вилку, несмелой рукой тянется к колбасе...

Потом они снова курили. Анна Петровна было поморщилась, но и на этот раз ей удалось сдержать себя. Она сидела на диване и одним глазком смотрела телевизор, другим поглядывала на стол: не надо ли чего подложить?

– Вот, говорят, банковское дело – самое тихое и спокойное, – выпуская дым из ноздрей, вновь заговорил Волин. – А оно, сам видишь, как бывало... Ну а я тебе еще не все рассказал. Было нечто и похлеще. В общем, за то время, пока я жил в Средней Нюкже, я, считай, всю тайгу пехом обошел. Иной зверовик мне позавидовал бы. Ну а что делать? Работа...

– Да, работа, – соглашается Савельев. – У каждого она своя. Я вот за зверем хожу, ты деньги считаешь...

Волин кивнул: дескать, верно мыслишь. Мне всю жизнь приходится деньги эти проклятые считать. Рассказал бы я тебе, парень, как мне в свое время пришлось воевать с твоими сородичами из-за этих денег, тогда б тебе еще понятнее стало, что такое быть банковским работником. Это ведь только непосвященный думает, что мы деньги лопатами гребем и ничего не делаем, – нет, брат, зарплата у нас небольшая, зато ответственности хоть отбавляй.

На душе было уютно после выпитого, и Волин от избытка чувств даже глаза закрыл. Они тогда уже пересели с Ерёмой от стола в кресла и теперь отдыхали, посмаливая одну сигарету за другой. Анна Петровна, поняв, что больше не нужна мужикам, ушла возиться на кухню – не весь же вечер дымом дышать.

Время клонилось к вечеру. За окном чуть пригасло, и по комнате забегали солнечные закатные блики. Ерёма уже несколько раз порывался покинуть этот гостеприимный дом и отправиться в гостиницу, в которой жили приезжие делегаты слета, но Волин и не думал его отпускать. Посиди, говорит, еще – ну кто там тебя ждет? Так ведь домой, однако, надо ехать – поезд-то без меня уйдет, пытался сопротивляться парень. Узнав, когда отправляется его поезд, Волин махнул рукой: мол, успеешь. Тут ехать-то всего ничего. Сам-де тебя до автобуса провожу. Вещи, говоришь, у тебя в гостинице? Так и за вещами сходим. Тоже недалеко. Я ведь, мол, в самом центре живу, а это что тебе Рим, где все пути сходятся.

...Вот ведь как оно бывает, находясь в пограничном состоянии между дремой и трезвым восприятием действительности, думает Николай Иванович. Давно ли это было, когда он шастал по тайге с инспекторскими проверками, а вот уже и дети тех оленных людей, с которыми он когда-то был знаком, выросли. Наверное, и они уже своих детей имеют. Интересно, как им там живется сегодня в тайге? Поди, недовольны тем, что железную дорогу к ним ведут. Ну а я... я-то сам был бы доволен, если бы вдруг в мой дом пожаловали незваные гости? Наверное, тоже бы рожу-то скривил. Вот и они паникуют. Правда, вслух об этом не говорят. Вот и Ерёма этот Савельев ничего в адрес стройки плохого не сказал – прочитал по бумажке какие-то там дежурные слова и убежал с трибуны. И другие таежные люди промолчали. А надо было бы сказать. Впрочем, Волин это после выпитого так храбрится, а на самом деле он бы тоже, скорее всего, не стал на их месте возражать: а что толку? Как сказали в Москве, так и будет. Впрочем, это он на себя пиджачок-то примеряет, на человека, которому нужно делать карьеру, а Ерёме-то чего бояться? Его карьера известна какая... Было бы ружьишко да порох, а жизнь он себе сам устроит. Это им, городским, вечно приходится всего бояться, вечно на вытяжку стоять перед начальством. «Фу, какая мерзость!» – подумал Волин и тут же позавидовал этому охотнику Савельеву.

Кстати, он всегда завидовал этим таежным людям. Их воле, их независимому характеру, их особенной близости к природе. Он даже когда-то подумывал о том, чтобы прибиться к оленным людям. Ну втемяшилось в голову – и все тут. От одной красоты, в которой они живут и дышат, душа запоеет. Тут тебе и речка с рыбой, и тайга со зверем всяким. А главное – никто тебе в душу лезть не будет. Живи как вздумается. Тем более тунгусы люди добрые и приветливые. Думал, коли останется, сможет в колхозе бухгалтерию вести. Он ведь помнил, как жаловались ему эти дети природы: дескать, обманывает их государство, покупая у них продукцию по заниженным ценам. И все потому, что они люди неученые по части финансовых дел. Ну а ученые к ним-де в тайгу не едут. Вот Волин и хотел помочь им с этим государством

бороться. Хотя он-то знал, что все дело не в государстве, а в этих жуликах из заготконторы – это они надували тунгусов.

Наверное, зря он все-таки не остался тогда в тайге. Жил бы сейчас – в ус не дул, а тут эти бесконечные совещания, бесчисленные директивы, проверки, разноречия... А мы еще удивляемся, отчего это век наш таким коротким стал. Да поживи с наше – быстро очоуришься.

Волин вдруг начал припоминать, когда он в последний раз был в тайге, и не вспомнил. Поди, лет двадцать уже прошло, как он выбрался из холодных северных утренников и обосновался в теплых кабинетах. Карьера у него шла неплохо. А ведь ершистым был, занозистым, а таких начальство не любит. Правда, и среди начальников попадаются мудрые головы, которые сквозь пальцы смотрят на все это: лишь бы человек правильный был. А то бездарей-то вон сколько развелось, стульев для них не хватает. И ведь чем, дьяволы, берут!.. Нет, не своими деловыми качествами – этого у них отродясь не было, – просто они умеют задницу своим начальникам лизать. Но Волин и сам никогда этим не занимался, и теперь, когда он получил свой нынешний высокий пост, пытается оградить себя от подхалимов. Успешный начальник, думает он, силен не тем, что его окружают всякие там лизоблюды, а тем, что у него много ершистых, но зато толковых ребят. На которых можно всегда положиться.

И снова память возвращает его в пору, когда он был молодым и сильным мужиком, который, кажется, ничего на свете не боялся. Да, жизнь была не сахар. Что ни день, то новые проблемы. Но это была прекрасная школа для него. Вот только порой перед ровесниками сегодня бывает стыдно, теми, что прошли фронт. Но ведь и он просился – да как просился! И это не его вина, что ему отказали. Работать, сказали, некому в тылу, хороших специалистов нет – всех война мобилизовала. Так что, мол, терпи. И он терпел. За год, бывало, не одну сотню километров по тайге прошлепает. Казалось бы, ну какие там могут быть дела у банковского работника – а вот были. В том же Бэркане ему приходилось не раз бывать. А это ведь у черта на куличках. Ну а дорог не было, транспорта тоже. А тут сверху требуют, чтобы они политику государства в жизнь проводили.

Он помнит, как после войны ездил по тунгусским селам, чтобы проверить, как там коренное население использует денежные ссуды, которые государство выдало им на строительство жилья. В Москве-то думали, что тунгус, веками-де стремившийся в душе к цивилизации, по первому зову партии бросится обустривать свой быт, однако все закончилось большими конфликтами. И это только несведущие думают, что все так просто было, – нет, непросто. Да вы у него, у Волина, спросите, сколько сил и здоровья он потратил на то, чтобы приобщить оленных людей к этой самой непонятной им и потому пугающей своими перспективами цивилизации.

А конфликты эти известное дело, из-за чего происходили. Столько лет прошло после выхода постановления об оседлости, а поглядишь – как было, так все и осталось. Вместо того чтобы строить себе дом, многие тунгусы тратили деньги черт знает на что, продолжая жить в своих чумах. Начинаешь как кредитный инспектор страдать иного такого законом, а он на оленя – и к районному начальству: так, мол, и так, работник банка пугает, что отберет у меня ружье, а это ведь главное орудие моего промысла. Как без него я буду жить? Начальство слюной на инспектора брызжет: зачем, мол, людей пугаешь? А время-то было серьезное – Сталин еще был жив. Вот и крутились инспектора между молотом и наковальней. Ведь цель банка известна какая – не дать пропасть ни одной государственной копейке. А тут сотни тысяч рублей на ветер... Насмерть стояли.

Но о том не расскажешь этому молодому тунгусу, что сидит подле тебя, – может не все правильно понять. А Волину хочется остаться с ним друзьями. Глядишь, и на охоту когда вместе сходят. А этот Ерёма Савельев, если верить тому, что о нем говорили на совещании, охотник знатный. В прошлом году больше всех соболиных шкур в округе сдал. А, кроме того, на его счету десятки голов добытого крупного зверя. Значит, походить с ним по тайге будет одно удовольствие, подумал Николай Иванович.

– Ты вот говорил, деньги на дорогу даешь, а нужна ли она?.. – неожиданно прервал его размышления Ерёма. – Кому от нее хорошо будет? Нет, нашему народу она не нужна, – заключил он.

Волин поднял глаза и внимательно посмотрел на него.

– Темный ты человек, товарищ Савельев! – наконец заявляет он. – В перспективу не смотришь, вчерашним днем живешь... Вот ты спрашиваешь, зачем я даю деньги на строительство... Да не я их даю, а государство. Нужна нам, понимаешь, железная дорога эта. Потому и строим.

– А как же мы? Как же зверь? – не понимает Ерёма смысла его слова. – Мы-то куда денемся?

Волин улыбается.

– Да вы в городах будете жить, в прекрасных квартирах. И вам уже не нужно будет по тайге бродить в поисках пропитания. Все в магазине будет, – с жаром произносит он и вдруг замечает, что его слова лишь привели в смятение тунгуса. – Что, не нравится такая жизнь? Да вы просто ее еще не знаете. Ну ничего, разок в горячей ванне помоемся – и все... И не захотите уже жить по-другому.

Ерёма меняется в лице. Теперь он уже не тот смятенный и растерянный тунгус, каким он выглядел лишь минуту назад, его глаза горят ненавистью, и сам он будто бы ощерившийся зверек, готовый вцепиться тебе в горло.

– Нет, не то ты говоришь, начальник, не то! – воскликнул он. – Тайгу нельзя трогать, это грех! Звери умрут, народ наш умрет. Этого вам надо?

Волин замахал на него руками.

– Чудак ты человек! – пытается защищаться он. – Мы ведь как лучше хотим...

И тут он ловит себя на мысли, что сам не верит в то, что говорит. Бывает такое, когда человек вдруг начинает сомневаться в своих собственных принципах. А ведь прав этот парень, думает Николай Иванович. Мы и впрямь спешим уничтожить тайгу. Нам, понимаешь, все мало, нам больше давай. А эти люди куда пойдут? У нас хоть города есть, а у них, кроме тайги, ничего...

– Послушай, может, еще выпьем? – чтобы как-то разрядить обстановку, предлагает Волин. Но Ерёму уже ничем не пронять – насмерть обиделся.

– Однако ты меня не понимаешь, начальник... – с горечью произнес он. – Ладно, пойду я. А то влетит мне от начальника – шибко влетит. Наверное, потерял уже меня...

На этот раз Волину не удалось удержать Ерёму. Ушел тунгус. Ушел обиженным и подавленным. Что-то я не то сказал, в сердцах решил Николай Иванович. Не надо мне было так...

Глава шестая

1

Не успел Ерёма вернуться из области, как его послали в район. Нужно было какие-то бумаги подписать в райзаготконторе. А так как бригадира зверовиков лось зашиб на охоте, это важное дело было решено поручить Савельеву. Так всегда: чуть что – так Ерёма... Среди охотников это был большой авторитет, хотя сам он за почестями не гнался. Жил себе по совести и никому не мешал. Даже на собраниях, где обычно ругали пьяниц или решался вопрос, кому выдать премию, в основном отмалчивался. Сидел себе погруженный в свои мысли, ни одну из которых он не хотел вытаскивать на свет. А зачем? У людей и своего ума хватает. Это когда кто-то в своих извилинах начнет плутать, тогда можно его и поправить. Коль поймет – хорошо, а нет – самому же хуже будет.

Райцентр – это большой поселок, где было полно всякого разного люду. Было там, как положено, и начальство, были лесозаготовители, торгаши, метеорологи, шоферня, учителя, доктора... В общем, не чета Бэркану с его невеликим населением. Здесь и школа большая двухэтажная, и больница на несколько десятков коек, и Дом культуры с большим зрительным залом, куда постоянно завозят кино. И жилища здесь другие. Нет, изб из кругляка тоже хватает, но есть и кирпичные дома, в которые, поговаривают, тепло от местной кочегарки скоро проведут. Вон уже провели его в «партийный» дом, где живет начальство; и в райком провели, и в школу. Глядишь, через пяток лет и других теплом обрадуют. А так пока все то же, что и в любом таежном поселке: все тепло в домах от дров, что лежат в высоких поленищах вдоль изгородей и духом своим смоляным округу опьяняют. Так бы ничего, но ведь столько забот. Дрова-то сами собой не появляются на свет. Процесс здесь долгий и муторный: лес еще свалить надо, обрубить ветки, привести бревна к своей хибаре, распилить, поколоть. Не каждому это под силу. Здесь сноровка нужна и терпение, а к этому с детства привыкают. Поэтому трудно бывает обслужить себя человеку, который никогда всем этим не занимался, однако решил жить в тайге. Ерёма не раз наблюдал, как иной молодой специалист, которого после учебы послали на отработку в эти места, пока наколет дрова, столько слез да пота прольет – не позавидуешь. Но это хорошо еще, если наколет, а ведь бывает, что и не удастся. Порой не одно топорщице сломает, а дело так и не сдвинет с места. Вот и идет ночью воровать у соседей поленья – не погибать же в холоде. Иные это видят, но молчат. Жалеют молодь.

Дела свои Ерёма обделал быстро. Благо все начальство в заготконторе было на месте.

– А вон и Еремей Батькович, наш знатный охотничек! – увидев его в коридоре одноэтажного барачного вида здания, приветствовал его главбух Лемейкин. – С чем пожаловал? Сезон вроде как еще не начался, сдавать нечего.

– Бумаги мне какие-то надо подписать...

– А-а... А ты уполномочен?

– Конечно! У меня и документ с собой имеется.

– Тогда пройди к директору. Если что, заходи, я буду на месте.

Ерёма плохо разобрался во всей этой казенной бухгалтерии, однако бумаги, что ему подсунили, подписал. Потом окажется, что зря он это сделал, потому как заготконторские снова решили их надуть, снизив расценки на продукцию. Ну а подпись под бумагами, поставленная Ерёмой, лишала охотников права бороться за справедливость. Это им здешний юрист внушил такую мысль, а эвенки – люди законопослушные, и они не привыкли обсуждать то, что им начальство говорит. А у тех так: поставил свою закорючку под бумагой – значит, сиди и не вякай. В следующий раз умнее будешь. А будет ли? Знаний-то в финансовых делах никаких.

Но это одно. А бывало, что напоят представителя колхоза до соплей – тот по пьяной лавочке и подпишет все, что ему подсунут. Скорее всего, и бригадир-то зверовиков Пашка Васильев нынче сбрындил неспроста, сославшись на увечье. Ведь в прошлый раз его так накачали, что он даже не помнит, как домой возвратился.

Вот и Ерёму обвели вокруг пальцев, после чего он решил никогда больше не иметь дел с районными жуликами. Пусть кто хочет, тот и едет бумаги эти проклятые подписывать, а он не станет на себя такую ответственность брать. А то и так косятся на него соседи. Дескать, мы в тебя верили, а ты...

...В тот раз он решил не спешить возвращаться в Бэркан. Вначале заглянул в «Промтовары», сделал покупки, потом пообедал в местной рабочей столовке, где его сытно накормили котлетами, которых он тысячу лет не ел – в Бэркане у них было принято питаться цельным мясом, – но которые он тайно любил. Даже бутылку прокисшего пива выпил, которое, поди, месяца два везли с Большой земли. В столовой было много народу. Будто бы вся тайга враз сошлась на обед. Но местных, как оказалось, было здесь не шибко – в основном приезжие. И были они одеты в одинаковые зеленые робы с кучей значков на груди.

– Строители... То ли из Белоруссии, то ли еще откуда. Их с Большого Невера на автобусах привезли. Видно, скоро покатают дальше, будут ветку до Беркакита вести, – пояснил обедавший за одним столом с Ерёмой мужик средних лет, от которого густо несло солярой. Однако, «дальнобойщик», подумал Савельев. Груз в Якутию везет. Жаль, что трасса далеко от Бэркана проходит, а то бы можно было напроситься в попутчики. Хотя это и хорошо, что туда нет прямой дороги, а то бы понаехало народу, и тогда конец не только поселку, но и всей тайге. Чужие ведь не умеют ее беречь, думают, что она большая и ее всю не уничтожишь. Но это для них она большая, а эвенк знает, что и у нее есть пределы. Поставь всего лишь одну заводскую трубу – тут же вырастет в тайге огромная болячка. А если этих труб будет сто?.. А если тысяча? Тогда все, прощай таежная вольница. Придет цивилизация, а это смерть для всего живого, потому как нет ничего страшнее ее, нет прожорливее, ибо она есть продукт жадности человеческой.

Ерёма вертит головой. Вот, значит, какие вы, рассматривая строителей, мыслит он. Выходит, это вы будете убивать мою тайгу... А нужно вам это? Или за деньги вы готовы на все?.. Плохо это, плохо... Мы ведь тут тысячи лет жили и никому не мешали, зачем же вы обижаете нас? А может, вам выкуп какой нужен? Так мы мигом это устроим. И соболей вам дадим, и оленины... Мало? Тогда мы вдобавок ко всему дичью вас завалим. Или вам и этого будет мало? Ну тогда мы пропали... О-е-ей, точно пропали... Вам ведь лес нужен, золото, уголь, руда... Тогда конец тайге. И нам, людям ее, конец. О, таежные духи, помогите нам! Изгоните этих чужих людей с наших мест. Ведь они не с добром идут, они зло нам несут.

У Ерёмы все кипит внутри. Он даже любимую свою котлету не доел – так его заусило. Залпом выпив остатки пива в стакане, которое в общем-то уже и не пивом было, а сплошной пеной, он выскочил наружу. Там на столовской невысокой завалинке сидело несколько старичков, из тех, что любят прийти к общественному месту и поглазеть на приезжий люд. А где еще можно увидеть столько народу, как не возле пункта общественного питания? Столовка в поселке одна, вот и идут сюда все, кому не лень. В первую очередь, конечно, дальнобойщики, что гоняют свои фуры по АЯМу, да командированные из области. А с недавних пор все чаще стали появляться и строители, которые поведут «железку» через всю тайгу. Вот и сегодня целый отряд их прибыл. Сейчас отобедают – и на митинг. Так всегда: соберется толпа, придет начальство – и давай митинговать. Кричат в микрофон – ажно перепонки лопаются. Ну да ладно, коль так положено – пусть кричат. Главное, дело бы делали...

2

Выйдя на воздух, Ерёма осмотрелся. Что-то случилось в природе за то время, пока он находился в столовой. С юга дул порывистый ветер, и воздух был наполнен мельчайшей пылью, по-здешнему изгарью. Этот «сухой туман» на глазах превратился в мглу, через которую тревожно проступал красный диск солнца. К вечеру будет дождь, невесело подумал Ерёма, которому предстояло еще возвращаться домой.

Вся небольшая площадь перед столовой была занята строителями. Одни уже отобедали, другие только ждали своей очереди, о чем-то весело переговариваясь и гоняя по кругу «бычки». Их праздничное настроение еще больше привело Ерёму в уныние. Заметив на заваulinke старичков с дымящими самокрутками, он решил подсесть к ним и тоже закурить, а заодно понаблюдать за здешней жизнью да послушать, о чем говорят люди. Уж шибко ему хотелось понять, что происходит вокруг, зачем весь этот шум и не исходит ли от всего этого угроза ему, его семье, его народу. Да-да, именно угроза! А может, пронесет? А может, эта «железка» где-то в стороне пройдет? – с надеждой думает он. Вот и хотелось ему узнать, куда поведут эту дорогу. На душе было тяжело и тревожно, хотелось бежать куда глаза глядят, но уйти он не мог – надо было до конца выяснить обстановку. О чем говорила сбившаяся в табунки молодежь, было не разобрать, тогда он стал прислушиваться к разговору стариков. А у тех разговор шел «сурьезный». Что-то в газете прочли, что-то по радио услышали – вот и обсуждали и при этом с любопытством посматривали в сторону молодняка.

– Ну как, сынки, войны там не намечается? – неожиданно обращается к стоящим неподалеку парнишкам сухонький, сморщенный старичок. Он сидит, упершись на самодельный бадик, и, посасывая набитую махрой трубку, подслеповато взирает на мир. Одет он был в старенький лапсердачок. Голову же его прикрывала такая же старенькая хэбэшная кепка, купленная им, поди, еще при царе Горохе. Парни, а их было трое, видно, только что плотно отобедали и теперь, взяв в зубы сигареты, о чем-то лениво переговаривались.

– Да нет, не будет... Все вроде мирно, – обратив взгляд на старичка и подивившись его древнему виду, проговорил один из строителей – невысокий белобрысый крепыш с редкой бородкой и такими же редкими усиками.

– Это хорошо, – серьезно рассудил старикан. – А то, в случай чего, мы тут поднапрягемся – и уж, знайте, оленинки на фронт снарядим. Без мяса-то куда на войне? Без него и сил не будет.

Парни улыбаются. Дескать, все нормально, дед, не беспокойся. Решив, что на этом все и закончится, что этот дошлый старик иссяк со своими вопросами, они продолжили разговор, время от времени делая глубокие затяжки и выпуская из молодых еще крепких легких этот сладковатый нездешний дух, который, перемешавшись с местной ядреной махрой, тут же терял всю свою именитую прелесть.

– Ну а не скажите, милые, откеле вы такие будете? – Дедок явно не хотел отставать от молодняка.

Парни снова оборачиваются на старика:

– Издалека, дедушка, издалека...

Тот крякнул. Пососал трубку.

– Ну что издалека – это понятно... – проговорил он. – Но мне б хотелось знать точную географию...

– У нас сборный отряд, дедуль, – решил прояснить ситуацию высокий смуглый паренек с большим носом и не то армянским, не то грузинским акцентом. – Я, например, из Закавказья, вот этот, – он указывает на белобрысого, – из Минска...

– А я из Саратова, – улыбается широколобый и белозубый паренек, похоже, самый молодой из товарищей.

Старик покачал головой. Мол, занесла же вас нечистая. Но вслух он этого не сказал. Сказал другое.

– А мы ведь тоже когда-то строили здесь ветку, да не достроили, – говорит он, чем приводит друзей в замешательство.

– Какую ветку? Нам не говорили ни о какой ветке! – удивленно произнес белобрысый. – Нас ведь на автобусах с Транссиба везли. Если бы ветка была...

– Да не тринди ты, как тринделка! – неожиданно сердито перебивает его старик. – Была ветка – сам ее строил... Еще до войны...

Высокий с большим носом с любопытством оглядывает старца.

– Правда?.. Вот это да! Тоже, наверное, по комсомольским путевкам приезжали?..

Старик усмехнулся:

– Да какой там, милоч! Нас в телячьих вагонах привезли... Зэки мы...

– Уголовники, что ли?

– Были и уголовники, а в основном политические... Хотя какие мы политические? Политических в Гражданскую порешили, а нас так, оговорили. Нужна была бесплатная рабсила – вот и объявили сплошную мобилизацию. Короче, силой забирали из домов и под конвоем везли в эти края.

Пауза. Парни переваривают сказанное. Вот так, мол, история, а нам ни гу-гу...

– А что ж домой-то потом не вернулись? – подает наконец голос белобрысый.

– Домой-то?.. – Старик приподнимает фуражку, чешет репу. – А куда возвращаться? Родным-то сообщили, что нас того, под расстрел, – вот и повыходили бабы наши замуж. Ну а родители за это время померли. Пришлось остаться. Ну ничего, прижились...

– А где ж эта ветка-то сейчас? Что-то мы ее не видели. Кругом одни разбитые дороги... – интересуется тот, что из Минска. Дед вздохнул.

– А ветку, милые, в войну еще разобрали и по частям вывезли под Сталинград, – говорит он. – Там из наших шпал с рельсами рокаду построили. По ней-то потом и возили боеприпасы с техникой на фронт. Так что, считай, и наш брат зэк внес свой вклад в общую победу.

Парни переглянулись. Они явно не ожидали почуять здесь дыхание истории. Ехали ведь первостроителями.

– Ничего, мы быстро это дело поправим! – заявляет большеносый. – Дайте только срок...

Ерёма вздыхает. Вам, мол, только дай волю – вы такого шороха наведете! Вон уже и глухари, слышав шум ваших моторов, с островов улетели. А какие токовища-то были!.. Ну а следом и лось уйдет, и медведь... Да что там – соболя не станет. Он ведь тоже разбирается в ситуации. Коль шум – значит, беда, значит, надо рвать когти...

Его так и подмывало спросить этих молодых ухарей, надолго ли они явились в эти края и что станет с его родным Бэрканом. Но он покуда молчал, боясь услышать то, что потрясет его до глубины души. Обо всем он узнает чуть позже, когда начнется митинг и какой-то начальник в черном костюме и фетровой шляпе, стоя на крыльце столовой, станет держать перед собравшимися речь.

– Товарищи! – окинув людей в зеленых стройотрядовских куртках опытным взглядом, громко произнес он. – Дорогие строители магистрали! Райком партии приветствует вас на нашей таежной земле! Вы посланники всего Советского Союза, и мы гордимся, что принимаем вас в свою дружную сибирскую семью.

Ну-ну, гордись, гордись, напряженно вслушиваясь в эту речь, так, чтобы не пропустить ни единого слова, думает Ерёма. Хотя что тебе, начальник, бояться? Ты ведь отбарабанишь здесь положенное и уедешь на повышение – это нам оставаться...

А оратор тем временем продолжал говорить:

– ...Вам, посланцам советских республик, выпала честь строить один из самых трудных и важных участков дороги, который станет своего рода ключом к несметным богатствам Южной Якутии. Это позволит поставить на службу народному хозяйству страны миллиарды тонн коксующихся углей, железной руды, меди, слюды, других сокровищ земли сибирской. Сроки на сооружение ветки, идущей с юга на север и являющейся началом будущей Северо-Восточной магистрали, а она пройдет через города Алдан, Томмот, Якутск и сыграет неоценимую роль в развитии всего северо-востока нашей страны, установлены самые минимальные. В тысяча девятьсот семьдесят восьмом году по ветке уже должны пойти поезда...

Вот оно, значит, как, еще больше напрягается Ерёма. Однако быстро они хотят это дело обстрять. Глазом не успеешь моргнуть, как первый поезд прогремит по тайге. А там и тайгу начнут стричь под корень. Этот ведь в шляпе ясно сказал, что за рудой да углем чужаки пришли сюда. А где это все брать? Только в тайге, которую они, похоже, хотят превратить в голую тундру...

И тут Ерёма не выдержал. Вскочив с места, он закричал что есть мочи.

– А Бэркан?.. Что будет с Бэрканом?

Вопрос этот оратор не расслышал, потому как сам в этот момент говорил. Но смутиться смутился. Спросил у стоявших с ним рядом коллег, что там ему прокричали. Ему сказали.

– Что касается Бэркана, то я хочу вас обрадовать... И там, товарищи, пройдет железная дорога, потому что в районе этого таежного поселка обнаружены большие залежи угля, – торжественно произнес он.

У Ерёмы похолодело в груди. Нет, недаром ему накануне снился дурной сон. Будто бы какие-то злые люди подожгли его дом, в котором заживо сгорели все его близкие.

Все, этот человек в шляпе, сам того подозревая, поставил крест на его судьбе. И не только на его. То же самое ждет и других его соплеменников. Но те пока этого не знают. В них еще теплится надежда, что все обойдется, что пришлые люди оставят их в покое.

...Не разбирая дороги, бежал он по тайге. Жалкий, напуганный, опустошенный. Слезы текли по его щекам. Что же будет? Как нам жить? – стучало у него в висках. Надо что-то делать... Надо не дать им, однако, пройти в сердце тайги. Он бежал, и мысли одна страшнее другой душили его. А слезы все текли и текли по его щекам, разбуженные израненными чувствами. Неожиданно он остановился...

«Надо просить Митряя Никифорова, чтобы тот срочно вызвал духов тайги, – пусть помогут нам, подумал Ерёма. – Митряй не откажет – он же мой тесть. Больше саманов в поселке нет. Буду его просить. Я видел, как духи помогали ему излечивать смертельно больных, как останавливал пургу и грозу, как приносили охотникам удачу. Он все может! Он и этих людей остановит. Пусть уезжают, пусть добывают уголь и руду на своей земле, а эта земля принадлежит оленным людям. Тем, кто жил на ней тысячи лун, кости чьих предков покоятся в ней испокон веков. Да будет так!»

Эти мысли успокоили Ерёму, и теперь он уже шел веселее, предаваясь несбыточным мечтам.

Глава седьмая

1

Ночь выдалась мягкая и тихая. Последняя из тех, что бывают перед зимниками. Вверху на огромном черном полотне неба вспыхивали далекими огнями крупные звезды. Между ними еле заметной дымкой пролегла «Лыжня охотника», или Тулнгудек. Русские ее называют Млечным Путем, но это непонятно тунгусам. У них все на небе имеет свои имена, которые дали звездам и созвездиям предки оленных людей. По ним, по этим звездам, они и ориентировались в тайге, и те никогда их не подводили. Поэтому с самого детства тунгусы учат своих детей читать не только карту тайги, но и неба. Вот и Ерёма учит своих пацанов. И теперь они знают, где находится главная звезда Севера – Санарин или Полярная звезда, где Хэлгэн – Большая Медведица, где Хунгтунги дуннэ – то есть чужеродная земля – Меркурий, Сатурн, Юпитер и Марс, а также Чалбон, или Венера, – эта яркая и красивая звезда, которая после захода солнца горит в западной стороне неба, а перед восходом появляется вновь, но уже на востоке. По ним, по этим звездам, они, когда вырастут, и будут ориентироваться в тайге, и станут те для них самыми надежными и верными друзьями.

Сам Ерёма, когда был маленьким, тоже любил слушать своего отца, который передавал ему тайны мироздания. Он с детства знал, что землю сотворила лягушка Баха, которая и является главным хранителем ее. Что земля – это огромная тайга, где живут люди и водятся разные животные и птицы. Что она поделена на родовые территории, на которых орочоны пасут стада оленей и охотятся. Что хозяйкой вселенной и человеческого рода, то есть главным божеством для всего на свете, является Эникан Буга, которая путешествует повсюду и наблюдает за порядком. Однако у нее есть верный помощник – Сэвэки, который является хозяином растительного и животного мира и который, как и люди, живет на земле.

Позже для Ерёмы открылось и другое, что принесли с собой эти белые люди с чужой земли, которые все на свете определяли с помощью науки. Однако он долго верил в то, что узнал от отца и отца его отца, в то, о чем говорили здешние старики. Так, он верил, что у человека на протяжении его жизни одна душа несколько раз сменяет другую. Что, рождаясь, он обретает душу оми, которая похожа на синичку. Когда ребенок подрастет, оми превращается в душу хэин. С этой душой человек живет всю жизнь. Внешне она напоминает копию человека, которому принадлежит, и помещается в его груди. Порой, когда он спит, она оставляет его тело и бродит где-то далеко-далеко по необъятной земле. Вот поэтому, говорят оленные люди, и нельзя будить спящего человека, а то душа может не успеть возвратиться.

В погожую погоду хэин любит выйти из человека, чтобы погреться на солнышке, при этом постоянно следуя за ним по пятам. По этой причине людям не советуют наступать на свою тень или же ставить на нее какие-либо предметы, чтобы не навредить душе. Хочешь увидеть хэин – посмотри на свое отражение в воде или зеркале.

Когда человек умирает, говорят старые орочоны, хэин раздваивается, и у него появляются сразу две души – оми и хэян, которые поселяются каждая на своей родовой территории. Оми – на звезде Чалбон, а хэян – на втором ярусе Верхнего мира. Чуть позже умерший вместо души хэян приобретает душу мугды, которая находится в его теле до тех пор, пока полностью не разложатся сухожилия на суставах. После этого мугды отделяется и летит в Нижний мир, в землю Буни.

Но, достигнув второго яруса Нижнего мира, где протекает река Тунето, она не может сама переправиться через нее – для этого нужен шаман. Поэтому раньше, когда еще сильны были старые традиции оленных людей, всегда проводился шаманский обряд сопровождения

души мугды в землю Буни. Во время обряда шаман приходил в Нижний мир, там разыскивал душу умершего и на плоту или в специальной лодке переправлял ее в землю Буни.

Старики до сей поры уверяют, что вселенная состоит из трех миров: Верхнего – Угу буга, Среднего – Дулин буга и Нижнего, который у ороحوнов называется Хургу буга. Верхний располагается там, где восходит солнце, Нижний – где оно заходит. Верхний и Нижний миры обыкновенным людям недоступны, там могут бывать только шаманы – эти богоизбранные люди на земле, которые способны общаться с духами. Ерёма с детства знает, что войти в Верхний мир можно лишь через Санарин, через Полярную звезду, тогда как в Нижний мир можно попасть через расщелины в скалах, через дыры и пещеры. Летом из этих земных щелей всегда веет прохладой, зимой же – теплом. Это, говорят старики, выходит воздух из Нижнего мира, поэтому, чтобы не накликасть на себя беду, нужно эти места обходить стороной.

Все, что между Верхним и Нижним мирами, – это Средний мир, где живут люди. И о нем ороحوны знают уже не понаслышке. Да, в школе их учили другому. Кто-то из молодых тунгусов тут же поверил в научные чудеса, другие же так и продолжали верить в то, во что верили их далекие предки. Поэтому, несмотря на всякие запреты, ороحوны продолжали обращаться по всякому поводу к духам, время от времени устраивая шаманские ритуалы с песнопениями и заклинаниями. Даже Ерёма, несмотря на свою идейную школьную подготовку и цивилизованные мысли, которых он нахватался в миру, где-то в глубине души все же испытывал определенный трепет перед силами природы, которые он, сам того, быть может, не сознавая, принимал за духов. При этом помня о том, что среди них бывают как добрые духи, так и злые. К примеру, Харги – это, без всякого сомнения, злой дух, который может даже отобрать у человека его хэин – душу. И Кандыках тоже злой дух, потому что он является одним из помощников Харги. А вот Сэвэки – уже другое дело. Он добр к человеку и животным. И Энекан Буга в общем-то не злая, просто она порой не может уследить за всем на свете, поэтому злым духам удается ее перехитрить и принести людям беду. Но на то она и жизнь, чтобы в ней происходила борьба добра со злом. Если бы, считает Ерёма, этого не было, не было бы вообще жизни. Потому как она держится на этих двух ветках...

...Сегодня Ерёме не спится. Только накануне он вернулся из района, где узнал такое, отчего до сих пор не может прийти в себя. Он в деталях помнит тот митинг, который местные власти устроили в честь прибытия строителей «железки», помнит, что говорил тот начальник в шляпе. А говорил он страшные вещи. Будто бы скоро придет конец их здешней размеренной жизни, что в эти края проведут железную дорогу, после чего начнут прямо в окрестностях Бэркана добывать уголь и руду, которую потом по этой же дороге будут увозить в гремящих вагонах на Большую землю.

Однако рассказывать соседям о том, что ему довелось услышать в райцентре, Ерёма сразу не стал. Пусть, мол, еще немного поживут в неведении. Отчитался перед своим начальством о проделанной работе и пошел отдыхать. Путь-то был неблизкий – сколько рек пришлось преодолеть, сколько холодных ручьев. Шел он и по распадкам, шел по заваленным булыжником поймам, пробирался сквозь чащобы, натыкался на буреломы... Единой охотничьей тропы как таковой в тайге нет – каждый охотник набивает свою. Вот и приходится порой идти напролом, ориентируясь когда по звездам, когда по каким-то известным приметам. До райцентра такой тропы тоже не было, но Ерёма этот путь может, как говорится, пройти с закрытыми глазами, потому как ему не раз приходилось вначале с отцом, а потом уже и без него возить свои трофеи в заготконтору. Это теперь хорошо: приемщики сами приезжают по зимнику на машинах, и теперь уже не надо гонять бедных оленей за сотни верст. И мясо оленьё возьмут, и дичину, и пушнину. А ведь есть еще ягода-брусника с жимолостью, есть стланиковые шишки, есть мед с дегтем, промысел которых с некоторых пор здесь наладили прибившиеся к эвенкам чужаки.

Впрочем, даже если бы Ерёма никогда не бывал в райцентре, он все равно бы дорогу нашел. С детства знает, что, коль туда идешь, «Большой костер», то есть солнце, должно под-

ниматься в небо слева от тебя, назад – справа. Коли ночью придется возвращаться, иди на «Холодный огонь», на Санарин, – тогда всегда придешь к родному очагу. Наука простая, но ее нужно обязательно пройти. Иначе плутать тебе по тайге – не выбраться.

Утром чуть свет явился Фрол и вызвал его на обшитое тесом крыльцо. Так часто бывало: чтобы не мешать женщинам в доме, вопросы решали прямо на ступеньках крыльца, облокотившись на крепкие перила из листвяка.

– Ты что это давесь таким смурным вернулся? – спрашивает Ерёму сосед. – Ить даже не поздоровался. Гляжу на тебя – не то смерть, не то леший бредет. Али что приключилось, думаю. Но трогать тебя не стал – утра решил дожждаться.

А он и сам тогда едва держался на ногах, потому как весь день заготавливал в тайге дрова, которые потом на своем маштаке, низкорослой старенькой каурке, свез к дому. Казалось, хватит, иди отдыхай – нет ведь, решил, ко всему прочему, поправить заплотину у ворот, потом натесал занадрин для печи и, только когда посадил на цепь полукровку Найдю, у которой началась гоньба, отчего она с трудом сдерживала атаки кобелей, пошел ужинать.

Отужинав, собирался уже было устроиться на ночлег, однако перед тем решил сходить во двор до ветру. Тогда-то и увидел Ерёму. Еще подивился тому, как тот быстро обернулся. Обычно неделя у него уходила на то, чтобы смотаться в район, а тут в три дня обернулся. По его кислой роже понял, что его что-то мучает. Ну ладно, мол, завтра спрошу, а теперь на покой.

– Все, пора гнездиться, – сказал он жене, укладываясь спать. – Вона уже ночь на дворе... Давай и ты в постель...

А та:

– А я кадушку-то капустой запростала. Запурхалась вся. Дай немного отдохну...

– А че у тя заразенок так хайлат? – услышав крик полугодовалого Стеньки, спросил Фрол и тут же, подойдя к кровати младшего Горбылева: – Не надо кричать так, ах ты ревун-крэчун.

...Ерёма стоит и, переминаясь с ноги на ногу, молчит. Что и говорить, с испорченным настроением мужик вернулся из района. Попросил было у соседа закурить, однако, вспомнив, что тому, согласно его вере, это «не можно», сходил домой, принес ганзу – курительную трубку с длинным чубуком из меди, которую ему сосед, китаец Ван, когда-то подарил, набил ее махрой и закурил. Табачок был ядреный – сам выращивал. Как-то весной взял у того же Вана семян и засадил ими грядку. Те грянули, как на дрожжах. И всходы дали, и зацвели, а потом и в зрелость пошли. Когда вызрели, собрал он их, нанизал на капроновую нить и высушил под навесом. Теперь искуривает родной табачок, а когда не курит, загубником, табачной жвачкой, балуется.

– Ну так че там стряслось у тя? – снова любопытствует Горбылев. – Язышничай – чего молчишь?

Ерёма покосился на него, заметив на щеке свежий шрам, удивился.

– Однако кто это тебя так? – Черным от курева пальцем он указывает направление своего вопроса.

– А, пустое... Барсука брал с собакой в огороде – повадился, антихрист, грядки топтать – он-та и саданул мя. – И тут же: – Читай, заживет уже, а тут пойдет мачежами да опеть и разболитца.

Ерёма покачал головой.

– Барсук, он зверь, однако, сурьезный, – говорит. – Его надо уважать. Собака и та его бывалочи не возьмет, всю харю ей измочалит. Видал, какие у него когти? То-то... – Он делает глубокую затяжку. – Ты, Фрол, жир-то, однако, забери у него – всю зиму будешь раны свои мазать. Да и внутрь его хорошо принимать от хворобы.

– Да ученый я, – машет рукой Фрол. – Вытопили мы уже ентого жира с Христей. Целый жбан в погреб поклали.

– Ну вот и дело, – удовлетворенно кивает Ерёма. – Да у тебя, поди, еще и медвежий с той зимы остался, или нет?

– Осталси, осталси, – подтверждает Фрол. – Коли че, приходи, завсегда поделюсь. Только бутлю свою приноси. У меня ить нету пустых – все при деле.

Это у них всегда так: у кого что есть, тем и делятся. А надо – и Толяна, соседа своего, не обидают. Чай, в одном забоке живут поодаль от остальных – значит, одна семья. Так уж построились их родители. Тут же была и фанза китайца Вана, больше похожая на зимовье. Низенькая такая, будто бы в землю вросшая. Кажется, приделай к ней курьи ножки, получится известная всем избушка из сказки.

Ван, как и Толян, жил бобылем и, в отличие от своих соседей, которых кормила тайга, сажал огород. Он вообще, кажется, был равнодушен к мясу – ел только то, что выращивал на своих грядках. И если его соседи, бывало, жаловались на то, что у них в огороде ничего не растет, потому как тайга-де не для овоща, у него все перло как на дрожжах. Как же это ты умудряешься вырастить такой славный лучок? – бывало, спрашивали его, а он только улыбается. Или скажет: работай хороше – все вырастай.

У него и росло. К нему даже из дальних поселков и за томатами с огурчиками приезжали, и лук с редиской да баклажанами брали, а у самих ничего не получалось. Потому что он на человеческом говне все выращивает, говорили люди и морщились. Однако как покупали у Вана овощи, так и продолжали покупать.

А еще у него в огороде рос мак, и все знали, что из него он делает опиум. Говорили, что у него на это было специальное разрешение, потому как старые китайцы с детства курили эту заразу. Правда, его предупредили: будешь продавать – посадим. Вот он и не продавал. Если кто попросит, скажет: водка пей, опий низя...

Никто не знал, сколько Вану лет. Одни говорили, он ровесник революции, другие – что намного старше. О себе он не любил рассказывать. Только однажды, накурившись опия и расслабившись, он поведал Ерёме, что у него когда-то была большая семья в пограничном Благовещенске. Занимались они огородничеством, а когда в тайге нашли золото, они с братьями тоже решили попытать счастья, определившись в старатели. Вначале, мол, все шло «шибко хороше». Намыв за сезон золота, они шли по зимникам сдавать его в банк. Появились деньги, женились, открыли свою закусочную. А в последний раз, когда они возвращались из тайги домой, на них напали хунхузы. Братьев убили, сорвав с их пояса драгоценные мешочки с рассыпным золотом, а Ван убежал. Потом была революция, частное старательское дело запретили, а следом отобрали у Вана и закусочную, заявив, что частная собственность есть пережиток капитализма. А перед самой войной с Японией китайцев и вовсе стали отселять подальше от границы. Не доверяли. Мол, кто знает, как они поведут себя, начнись вдруг заваруха...

Так Ван и оказался в тайге вместе со своей семьей. Здесь у него вначале умерла дочка, потом сын, потом жена, и остался он один на всем белом свете. Теперь вот доживает свой век. Высох весь, словно старая мякина на огороде, голова с кулачок, и тела совсем нет. Бестелесный. А все продолжает трясти своей жидкой седой бородашкой, все спину гнет на огороде. Только и видишь, как его вылинявшая на солнце некогда синяя даба, из которой китайцы шьют себе одежды, среди ботвы мелькает.

2

На крыльцо вышла Мотря, жена Ефима, улыбнулась краями губ Фролу и вылила прямо со ступеней мыльную воду. Потом снова вернулась в дом, где уже вовсю шла бабья работа: Арина скребла ножом полы, Мотря занималась постирушками, а старая Марфа Савельева, подслеповато щурясь, шила у окна ирексэ – круглый коврик из шкуры оленя. Старые домашние

уже стоптали, вот она и хочет обновить их к зиме. Так теплее, так ноги будут меньше мерзнуть. Зимой из-под пола так холодом несет – просто жуть. Вот и нужны эти теплые коврики.

А еще ей нужно до зимы исшить несколько пар чурчан – меховых носков. Всем домашним они потребуются. А Марфа – большой мастер в этом деле. За свою жизнь она столько этих носков сшила – не сосчитать. Наверное, больше, чем звезд на небе.

На небольшом столике, чигидауне по-местному, стоит чэмэ – деревянная чашка с холодной изюбриной. Ерёму дожидается. Но тому кусок в горло не идет. Как вернулся из района неприкаянный, так все отойти не может. Отдохнуть бы ему как следует, но тут вдруг явился этот Фрол. И что ему надо? Шел бы свои дела делать – неужто не видит, что Ерёма сам не свой. А спрашивают его домашние, что случилось, молчит.

– Однако хана нам, сосед... – сделав очередную глубокую затяжку и зарядив воздух ядреным духом, неожиданно произнес Савельев. – Сам видел все своими глазами... – Он кивком указывает в ту сторону, откуда только накануне вернулся. – И людей видел, и механизмы ихние... Волки! Сейчас они рушить все начнут... железную дорогу сюда поведут...

– Да иди ты! – не поверил Фрол. – А говорили, стороной пройдут. Неужто сюды?

– Точно тебе говорю, – быстро-быстро кивает Ерёма. – Спросил их про Бэркан; придем, говорят, шибко быстро к вам придем – ждите...

– Ну что за люди! – в сердцах бросает Фрол. – В тайгу приезжают только дерно драть да золото брать. И не насытятся ведь...

Он умолк и задумался. «Как же несправедлив этот мир! – думал он. – Ну почему, почему нам не дают жить, как мы хотим? Постоянно терзают нас, постоянно мучают. Неужто мы не достойны иной доли?..»

– Ну, что будем делать, Фролка? – подождав, когда сосед переварит новость, спрашивает Савельев. – Будем сопротивляться али как?

Фрол безнадежно вздыхает.

– Э, брат, ты ихнюю породу не знаешь, – говорит. – Коль взялись за злое дело – обязательно доведут до конца. Знаешь, сколько лет мы от них по стране бегаем? – Конечно же это он про своих староверов. – И все одно – они нас догоняют. Только и осталось, что в тундру уйти.

Ерёма вздохнул.

– Что тундра! – говорит он. – Наши люди были там – тоже беда. Кругом техника, все ягеля гусеницами перепахали – нефть с газом добывают.

– Тада, выходит, уже и итти некуда? – сокрушенно произнес Фрол. – Выходит один путь – на небеса?

Ерёма качает головой.

– Э-э, подожди про небеса! – говорит он. – Есть у меня одна задумка...

Фрол с любопытством посмотрел на него.

– Никак в партизаны решил уйти? – с усмешкой произносит он.

Ерёма снова качает головой.

– Зачем в партизаны? У нас ведь саман свой есть...

– Кто-кто? – не понял его Фрол.

– Саман...

– А, шаман... – наконец доходит до соседа.

– Ну да, он... – Увидев, как Фрол скривил губы, сказал: – Нет, ты не смейся, саман – это сила... Он со злыми и добрыми духами дружит. Что попросит, то и будет.

Фрол устало посмотрел на соседа и хмыкнул.

– Ежели б все так просто было, матка б зря нас не родила, – говорит он. – Нет, сусед, коль пропало – знать, пропало. Соберем-ка мы с Христей вещицы свои, посадим детей на телегу – и уйдем куда глаза глядят. Если хочешь, пойдем с нами.

Ерёма покачал головой. Мол, куда ж мне из тайги? Здесь моя земля.

– Нет, ты подумай, что они творят! – вдруг возмущенно восклицает он. – Да кто ж такое позволил им? Слышь, а может, большие начальники в Москве не знают про это? Вот бы письмецо им черкнуть, только я не знаю адреса.

Он снова тянет в себя дым, а потом с шумом выпускает его мимо Фрола. Фрол машет рукой.

– Да усе оне там знают! – убежденно проговорил он. – Это мы, дурни, только думаем иначе. У них там, в Москве, на все планы свои есть. Так что они давно подсчитали, сколько им нужно того же леса, сколько угля, сколько мяса... Вот и воюют за это добро.

– В другом бы месте воевали! – недовольно буркнул Савельев.

Фрол качает головой.

– В другом! И в каком же? – спрашивает он. – Почитай, уже все горы да леса свели у себя, теперь на океан идут. И придут!

– Придут, коли мы, будто б те глухари на горелых пнях, сидеть будем да ждать, когда нас на костре поджарят, – горячо заявляет Ерёма.

– А что делать? – спрашивает его Фрол. Глаза у него хворые да грустные – будто б он разом заболел от всех этих переживаний.

– Говорю тебе, саман есть...

– Ну, допустим, шаман твой возьмется за это дело... – начинает рассуждать Фрол. – И что?.. Как он нам поможет? Пальцем им погрозит? Вроде как – я вам, черти-та окаянны...

– Да какие черти, Фролка! – возмутился Ерёма. – Он на них всех порчу найдет.

Фрол потрясен.

– А ить я не знал, че ты такой злой, – удивленно смотрит он на соседа.

Ерёма смачно сплевывает через перилу.

– Злой говоришь? – остро зыркнул он на собеседника сквозь азиатский прищур глаз. – А они, – он снова кивает в ту сторону, где, раздвигая тайгу, уже спешит-торопится к Бэркану железная колея, – они разве добрые? Ну коли добрые, зачем они к нам идут? Мы же их не звали...

Фрол усмехнулся:

– То-то они тебя спросили...

Ерёма вспыхнул.

– А я что, не человек, по-твоему, что ли? – скрипнув зубами, спрашивает он. – Да меня вся область недавно слушала, когда я на слете передовиков выступал! Меня на телевизор снимали! Радио ко мне приставало с расспросами... А ты говоришь!..

Фрол поморщился:

– Пустое это все, сусед... Вот ты говоришь, слушали тебя... А почему? Да потому, что ты говорил то, что они хотели услышать от тебя. А начни с ними спорить – тут же рот тебе заткнут. Так что не верь ты этим умникам – обманут.

– Так кому ж тогда верить? – растерянно смотрит на соседа Ерёма.

– Господу нашему Богу – вот кому, – отвечает тот. – Этот уж не обманет...

Глава восьмая

1

Слух о том, что Бэркану грозит беда, быстро разлетелся по поселку. А всего-то Ерёма и рассказал тогда о своем открытии одному Фролу. Видно, тот поделился опасениями с Христей – ну она и разнесла по своей родне. А родня здесь, почитай, весь поселок. Кто-то с кем-то в прямом родстве состоит, кто-то в кумовьях да крестных числится. На одном конце поселка прозвучит слово – тут же по цепочке его передадут на другой.

Взбудоражились люди, загоношились. Поселковый Совет требуют собрать, чтобы тот немедленно решил, что делать. Пока еще не поздно, пока рельсы не дошли до этих мест. Председатель колхоза Тимофей Колдыгин поначалу пытался успокоить людей: мол, не беситесь вы, сами подумайте, где мы, а где Большая земля. Так что идти этим строителям – не дойти до них. А тут однажды в стороне от поселка раздался какой-то страшный шум, будто бы то метеорит упал. Никогда здешние люди прежде такого шума не слыхали, потому чуть не всем поселком бросились смотреть. А там на опушке железные машины с неба спускаются... Такую бурю подняли – жуть. Деревья да травы гнутся в лихом припадке, мусор с земли сорвало. Стоят люди и со страхом смотрят на все это. Перепонки с трудом выдерживают весь этот грохочущий шквал.

А на следующий день завизжали бензопилы, застучали топоры. И снова люди бегут на шум. Глядь, а там целая рота солдат тайгу разбирает на части. Туда-сюда, туда-сюда мечутся. Новые хозяева. На местных и внимания не обратили. А те стоят и смотрят на них со страхом... Долго они так стояли. Жалкие, посрамленные, опустошенные. Даже дети и те подавленно молчали. Кто-то из людей так и не смог перебороть в себе страх, кто-то плакал от безысходности, у кого-то тут же появилось желание бежать куда глаза глядят. Однако были и оптимисты. Может, это ненадолго, думали они. Может, день-другой посуетятся эти строители да уйдут?

Но те и не думали уходить. Они разбили палаточный городок, вырыли для продуктов погреб и, чтобы показать всем, что они здесь надолго, вдобавок ко всему поставили два новеньких сортира. Задымили походные кухни, запахло борщами да кашей.

– Усе, теперь и я вижу, что это конец, – когда сельчане в очередной раз пришли поглазеть на чужаков, ни к кому не обращаясь, проговорил Фрол. – Вершиннику кругом навалено, што не пройдешь. Это все устроители эти. Хоть бы чистили за собой – нет ведь, привыкли в сраме жить. Взапрятки пошли...

– Ну да, а ведь обещали не ранить тайгу, не губить зазря... – вздохнул Ерёма.

– Эх, люди! – не выдержал Фрол.

Помолчали.

– Ну вот, Фролка, о том я тебе и толковал... – вытирая мокрые от слез глаза, произнес Ерёма. Фрол не ответил ему. А что он мог сказать? Все и так было ясно.

– Однако пошли – что смотреть? – махнув безнадежно рукой, наконец произнес он и поплелся в поселок. За ним потянулись и остальные.

Так, не сговариваясь, и дошли они до колхозной конторы, которой служила старая, обшитая тесом деревянная изба, с фасада которой лупилась зеленая, побитая дождями давно уже выцветшая краска. Стабунились на небольшом пятачке перед высоким крыльцом и в немой надежде стали чего-то ждать. Видно, надеялись, что кто-то сейчас выйдет к ним из казенных дверей и наведет вселенский порядок. Так и стояли, уставившись на эту дверь, лишь порой переводя свои взгляды на побледневший от времени некогда красный флажок, который уныло свисал с высокого конька конторы.

Наконец на крыльце правления появился Тимофей Колдыгин, пятидесятилетний дородный тунгус с большой головой и лицом, похожим на круглую плоскую сковородку. Он был без любимой свой кепки, которая обычно покрывала его вечно свалывшиеся, похожие на мочало седые волосы.

– Ну что собрались? Я ведь не объявлял собрание... – произнес он. В ответ суровое молчание. Председатель растерялся. – Чего надо-то – говорите... – просит он.

И тут завозился народ, зароптал.

– Однако, Тимофей, надо что-то решать, – слышался чей-то голос. – Разве не слышишь – тайгу нашу валят.

– Ну... – уловив вдалеке чужие звуки, произнес Тимофей. – Гудят.

– Глядишь, завтра и поселок наш снесут! – не выдержал Тимофей. – А ты стоишь и не чешешься. Ответь, ты власть или не власть?

– Ну... – снова нукает председатель.

Ерёма ажно ногой с досады топнул.

– Что ты все «ну» да «ну»! – в сердцах бросил он. – Делать-то что-нибудь собираешься? Это же наши земли – или как?

– Ну... – кивает Тимофей.

– Так, значит, воевать за них надо!

Председатель морщит свой широкий сплюснутый нос и чешет пятерней затылок.

– А что я могу сделать? – спрашивает он. – Там власть повыше моей будет – на меня и не глянут, коли я начну говорить.

– А ты кулаком стукни! – подсказывают ему.

Тот лишь машет рукой.

– Да вы что? Они ж меня тогда с говном смешают.

Притух народ после этих слов. Стоит, думает. А кто не думает, тот вздыхает.

– А может, Митряя Никифорова попросить?.. – несмело предлагает Ерёма. Он стоит в первых рядах, и председателю хорошо его видно.

Тимофей хмыкнул:

– И что он, Митряй твой, сделает против такой державы? Ты что, Ерёма, газеты не читаешь?..

Ерёма усмехнулся, и сделал он это с какой-то откровенной подначкой.

– А откуда у нас тут газеты? Или ты нам их привозишь на самолете? – проговорил он.

– Тогда радио слушай, – советует ему председатель. – По радио про весь мир можно узнать. Ты, к примеру, можешь мне сказать, какая пятилетка у нас сейчас на дворе? А-а, вот и не знаешь...

– Ну коль знаешь – скажи, – требует Савельев.

Председатель снова чешет пятерней затылок, вспоминает.

– Десятая... – наконец вспомнил он. – Нет, вру... Девятая заканчивается, десятая потом будет.

– Ну и что? – задиристо спрашивает Ерёма. – Нам-то, говорю, что из того?

Председатель пожимает плечами. Не знаю, мол, говорю, что слышал.

– Ну а про «железку», что ты слышал по своему радио? – спрашивает пожилой тунгус, которого все тут звали Шакшоем. Когда-то он слыл добрым охотником. В основном охотился на диких оленей, шакшоев, потому и прозвали так. И сам он был похож на старого гордого бэюна – высокий, сухой, костистый. Ноги у него до сих пор сильные, как у того молодого оленя, хотя и стар. За жизнь-то набегал.

Тимофей разводит руками.

– Москва велит строить, – говорит. – До самого Якутска дорогу-то эту поведут. А там поезда по ней пустят.

– Да знаем мы это! – кричат ему. – Ты скажи, останется тайга или ее всю изведут?

Председатель пожимает плечами:

– Об этом не говорят...

– Еще бы! – усмехнулся Ерёма. – Скажет тебе вор, что у него на уме.

Председатель строго смотрит на него, потом переводит взгляд на стоящего здесь же участкового Саенко. Как, мол, тот отреагировал на крамольные слова охотника? Но Саенко будто бы мимо ушей пропустил замечание Ерёмы. Но голос свой он все же подал.

– Ну, буде, граждане, – говорит, – идите домой, что без толку митинговать? Потом вам все доложат.

– Ага, – ершится Ерёма, – пока нам доложат, эти лешие всю тайгу изведут. – И тут же: – Я все-таки предлагаю к Митряю Никифорову идти. Старики рассказывают, что во время войны он постоянно с духами общался; однако, те и помогли эту войну нам выиграть.

– Ерунда это все, Савельев! – поморщился Саенко. – Зачем пропагандируешь невежество?

– А вот и не ерунда! – горячится Ерёма. – Ты человек пришлый и ничего не знаешь, а мы знаем... Давай-ка, председатель, сходи к Тимофею... Попроси от имени всего поселка...

– Сходи, сходи! – раздалось со всех сторон. – Однако, поможет...

– Да чем он вам поможет? – пытается образумить соседей Саенко. – Ну, что он сделает? Порчу на строителей наведет? Так это подсудное дело... Да и не верю я ни в какую порчу... А может, заколдует кого? – Он широко улыбается. – Сказки это все, товарищи, сказки!.. Давайте-ка расходитесь.

Но народ как стоял, так и остался стоять.

– Сходи, председатель! Сходи к Тимофею! – не умолкают люди.

Председатель не выдерживает такого напора.

– А вы Ерёму просите! – говорит он. – Это ж его родич.

Все обращают взоры к Савельеву.

– Давай, Ерёма, сходи! Сам говорил – поможет...

– Ну хорошо, коль поручаете – я согласен, – отвечает охотник.

В общем, было решено, что на переговоры с шаманом идет Ерёма. А тот не стал откладывать это дело в долгий ящик. Как только закончился митинг, тут же и отправился на другой конец поселка, где жил Тимофей Никифоров.

2

Тимофей третьего дня в тайге был и повстречался с амакой, которого оленные люди еще называли абайканом, а иные и амиканом: тунгусский говор, он богатый, поэтому сколько племен – столько и понятий.

Самка та была с детенышами – вот и наворочала ему. Все вздохи отшибла. Хорошо хоть живым оставила. А так даже череп хотела грызть – еле увернулся. Думал, повалит его и отстанет – нет ведь, как привязалась к бедняге, так и гнала его почти до самого дома. И как только спасся? Сам, говорит, виноват. Забыл, однако, что с тайгой дело имеет. Но ведь всего-то за околицу вышел, чтоб орешков кедрового стланика набрать. Знал бы, что где-то поблизости медведица с потомством шастает, не стал бы по привычке красться, будто б за согжоем. В таких случаях иди и стучи палкой по стволам дерев. Медведь услышит – уйдет. А вот ежели ты, не учуяв его, тихонько подошел к нему, да не дай бог, это медведица с выводком – тогда беда. Хорошо, если у тебя будет ружье, – но за орехами кто ж с ружьем-то ходит? Лишнюю тяжесть неохота таскать.

Вот и лежит теперь Митряй весь израненный, часто дышит, словно затравленный пес, и при этом стонет, выставив из-под урбакэ свое тощее старое колено. На нары в спальне залезть

не смог, потому жена устроила ему постель прямо на полу в небольшой залитой солнцем горенке. У самого сил нет вести разговоры, однако хорохорится, не любит выглядеть слабым. Жаль старика, но, может, пронесет?.. Ему ведь еще надо к зиме хату свою подправить, которую он по старой привычке называет утаном, то есть чумом, ну а куда ж сейчас? Вот, говорит, попытался бревно поднять, он кивает в сторону окна, а попробуй с такой хворобой вызними.

Надо бы ему помочь, думает Ерёма. Не знал он, что тот хвор, давно бы навестил. А Арина промолчала – и почему? Ведала ж, поди, дура о несчастье-то... Вот придет домой да всыплет ей за молчание. Как же стариков-то обижать?

Узнав, зачем пожаловал зять, Тимофей даже порозовел от чувств. Ну вот, подумал, и он понадобился. А то все гоношились. Дескать, нельзя колдовством заниматься, не те времена. А тут приспичило – сразу к шаману. Все правильно. Это только кажется, что мир изменился. А на самом деле он все тот же. И добро в нем есть, и зло. А коль так, то без шаманов никак нельзя. Кто-то ж должен о спокойствии людей заботиться. Ну что б вы без нас, без колдунов, в войну делали? – мысленно обращается Тимофей ко всему человечеству. Вы, что ли, с Гитлерюгой справились? Нет, это шаманы всей тайги против него поднялись и сломали-таки ему хребет. И голод послевоенный они потом отвели, и пятилеткам новым дали толчок. Партийные об этом знают, но молчат. Не хотят скомпрометировать себя. Мол, не дай бог, еще заподозрят в невежестве. Дураки! Невежество – это совсем другое... Это когда ты не знаешь, как бороться с природой тьмы, когда вместо того, чтобы слушать умных людей, ты начинаешь охоту на ведьм.

А шаманы и есть эти умные люди, и они знают, как отвести от людей беду. Вот и новую беду они отведут. Нет, коли стране эта «железка» нужна, пусть ее строят. Только она не должна мешать жить оленным людям. Поэтому он, Ургэн, сделает все, чтобы дорога прошла вдали от этих мест, и в этом ему помогут его старые друзья – злые и добрые духи. Дайте только ему поправиться...

– Ну так как? – спрашивает его зять. – Поможешь с чужаками справиться?

Ерёма по старому тунгусскому обычаю уселся прямо на полу, подстелив под задницу коврик из оленьей шкуры. Дуняшка, двадцатилетняя вторая жена Митряя, которую тот после смерти своей Настены два года назад привел к себе в дом, принесла ему чаю в самодельной деревянной кружке. Чай плохой, негустый, поленья в нем плавают, но где другой найдешь? Хорошо, что этот завезли автолавкой весной. Грузинский называется, третий сорт. Вот ипил его гость без всякой охоты, делая один вялый глоток за другим.

– Я-то согласен, – говорит Митряй, – но вишь какая беда со мной приключилась... Руку и то больно поднять, а мне ведь обряд нужно проводить. Чуешь, сколько сил потребуется?

Ерёме его беды понятны. Однако и ждать, когда тот встанет на ноги, он не может.

– И когда ж ты поправишься? – спрашивает он тестя, отхлебывая из кружки чай.

– А ты не торопи меня, не торопи, сынок... – говорит Митряй. – Сам знаю, что дело срочное. Если духи мне помогут, через неделю встану. А нет, лежать мне еще да лежать...

Ерёма кивнул головой. Дескать, ничего не поделаешь, хворай. А мы с нетерпением будем ждать твоего выздоровления. Жаль только, опередят нас пришлые, изведут тайгу – что будем делать? Зверь-то убежит, а там и реку эти строители загубят. Вот ведь уже рыбу стали глушить взрывчаткой. Пацаны местные доложили. Говорят, рыба после этого брюхом кверху всплывает – много рыбы! Ее потом строители в мешки собирают. Жрать им, что ли, нечего?

А тут Фрол вернулся с реки. Хотел глухарька подстрелить на ужин, к острову, что напротив поселка, ходил на веслах. А там пустота. Где птица-то? Ведь ее столько здесь было... По весне они там, глухари-то эти, такие токовища устраивали – во всех концах тайги было слышно. Глухарей зазря не били, только когда по надобности. А тут эти ухари пришлые такую канонаду устроили – ненароком подумалось, что война началась. Нет больше глухаря, с болью в голосе сказал Фрол. А скоро вообще ничего не останется. Не останется, соглашается Ерёма. Да что глухари – нас скоро не будет...

Да, дела. А им еще жить да жить. Митряй Никифоров и тот пока что не собирается умирать. Бабу вот молодую в дом привел, глядишь, и детки скоро пойдут. От Настены-то у него четверо было, но те уже выросли, своими семьями живут, а тут и он решил стариной тряхнуть. Молодежь все пытается выпросить у Дуньки, как там ее старец, горазд ли еще окучивать баб, а она только рдеет. Но по глазам чертовки видно, что довольна жизнью. А что ей? Мясо в дом старик приносит, деньги пенсионные получает, а ежели еще и окучивает – тогда на что жаловаться?

– Боюсь я, Митряй, ох как боюсь, что мы не успеем... – задумчиво проговорил Ерёма. – Пока ты тут хвораешь, эти чужаки такого наворотят... Послушай, – неожиданно приходит ему в голову мысль, – а может, тогда кто другой попробует с твоими духами связаться? Ну а ты ему поможешь в этом...

Митряй качает головой:

– Нет, только саман может с духами общаться, другим нельзя.

Ерёме от этих слов становится не по себе.

– Так что ж ты, старый черт, до сих пор не научил никого этому своему саманству? – спрашивает он. – Кого после себя оставишь, а? Вот то-то... А люди говорят, что без саманов нашему племени никак нельзя. Партия – это хорошо, но саман лучше.

– И я говорю, что лучше. Но меня ведь не слушали. Даже грозились в тюрьму посадить. Али не знаешь? – спрашивает старый Митряй.

– Нет, про то я не слыхал, – честно признался Савельев. – То, что духов не существует, об этом да, нам говорили в школе.

– В школе им говорили! – передразнил его тесть. – Знаю, знаю, вы всем верили, кроме своего самана. Про обычаи свои забыли – оттого и профукали тайгу.

– Так давай спасать ее! – с жаром произнес Ерёма.

– Вот иди и спасай, что к старику пристал? – глухо проговорил Митряй и зашелся в кашле. Видно, здорово у него внутри пекло. – Хотели без саманов жить – так живите! – наконец произнес он.

Ерёма растерян.

– Будет тебе, старик, будет... Зачем нам ссориться? Надо сейчас думать о том, что делать... Может, совет какой дашь? – спрашивает он.

– Я уже сказал, что, кроме самана, никто вам не поможет... – говорит ему старый Митряй. – Ты вот упрекнул меня, что я свое дело никому не передал... Так ведь оно по наследству должно передаваться. А у меня ни одного сына не было – только дочки. Но женщина не может быть саманом. Она должна детей рожать и очаг хранить. Не знаю, почему духи не дали мне родить наследника, – может, обиделись на что?.. Ладно, что болтать зря... – неожиданно произнес он. – Дело надо делать... Только я чувую, что мне и через неделю не встать...

Ерёма даже вздрогнул, услышав это.

– Ты что, старик! – сердито глянул он на тестя. – Давай, не дури... Чтоб через два дня на ногах был!..

– Не получится... – вздыхает старый шаман. – Пять раз за жизнь ломал меня амака, но на этот, кажись, все серьезно. Может, уже и не выкарабкаюсь никогда.

– Так, значит, все, конец? – растерянно смотрит на него Ерёма.

Старик какое-то время молчит, а потом:

– Вот что, зятек... Есть еще один саман в наших краях, я его знаю. Ороном его зовут...

– Ороном? – переспросил Ерёма. – Не знаю такого. А где он живет?

– Там... – указал старик куда-то на север. – Два дня пути...

– Но в той стороне только яки живут, – усомнился парень. – Он что, якут?

– Он, он... – подтвердил Митряй. – Коль саман нужен, к нему надо идти...

Якодокит, или дорогу к якутам, Ерёма знал с детства. Зимой он туда ходит соболевать, а бывает, и охотиться на изюбря с сохатым.

– Ну что, пойдешь? – ослабевшим голосом спрашивает зятя бедный старик. – Иди, иди, коль надо...

Он замолкает и закрывает глаза. Видно, устал от разговора и ему хочется покоя. Ерёме жалко старика, но ему еще жальче народ свой.

– Два дня пути... – качает головой Ерёма. – Однако неблизко, – говорит.

– Ерунда... – слышалось в ответ. – Коль пойдешь, передай ему от меня привет... Скажи, прихворнул старый Ургэн, сам не может с духами говорить... Одного я не знаю – жив ли Орон, – неожиданно спохватился Митряй. – Он ведь тоже старый, так что, может, и помер уже. Но весной был жив – это я точно знаю. Наши люди видели его... Ну иди, иди, что с хворым сидеть? – говорит он зятю. – Кроме пустого, ничего не высидишь. Иди...

Глава девятая

1

В ночь на пятнадцатые лунные сутки, когда из темных глубин бездны выплыла огромная полная луна, окрестности Бэркана вдруг содрогнулись от буйного всплеска человеческих страстей. Будто бы кто-то бил в большой барабан, и этот бой сопровождался гортанными, непонятными криками многих людей.

– Товарищ старшина! Товарищ старшина! Слышите?.. Что это они там?.. Может, что случилось?..

Грачевский уже засыпал, когда вдруг почти над самым его ухом раздался этот встревоженный голос. Он прислушался. Где-то неподалеку монотонно работал бензиновый движок – местная, так сказать, электростанция, которая питала лампочки, что висели на столбах по периметру лагеря, да еще рацию, без которой здесь не обойтись, – как-никак единственная связь с Большой землей. Но что это?.. В той стороне, где был эвенкийский поселок, творилось что-то непонятное. Может, праздник какой отмечают? – подумал Володька. Знать бы, да откуда? Ведь им строго-настрого было приказано в контакт с местным населением не вступать. Для этого даже пришлось выставить часовых, которые должны были следить, чтобы ни одна душа не покинула расположение отряда. А ведь и он был не прочь хоть одним глазком взглянуть на то, что там за люди живут в этом медвежьем углу? Что их тут держит, чем они занимаются? Ну разве не интересно?

Однако далеко не всех его подчиненных влекла только жажда познания. Были и такие, кого интересовал один-единственный вопрос: есть ли в поселке магазин, где торгуют водкой? Деньги им хоть и небольшие, но все же платят, а кому-то еще из дому что-то перепадает. Вот и мечется душа, вот и ищет на одно место приключений.

Хотя и женская тема тоже здесь популярна. Днем-то некогда об этом думать, работы не впрокорот, но, когда наступает ночь, тут уж не остановишь. Им бы, дуракам, выспаться, чтобы завтра с новыми силами день начать, нет ведь, лежат и чешут языками. Вот и сейчас завелись. Только и слышно: «Умираю, братцы, – бабу хочу! Ну хоть бы на часок нас отпустили в этот несчастный поселок. Уж мы бы там...» А ему: «Что, на якуточку потянуло?» А в ответ: «Да ты че, тут не якуты живут – эвенки...» – «Ну пусть эвенки...» – «Слышь, мужики, а говорят, у ихних баб это дело поперек живота устроено...» Все ржут. А тут вдруг: «Это все вранье! У всех все одинаково... Что у наших баб, что у этих...» Ему: «А откуда ты знаешь? Проверял, что ли?» И снова смех. Тут же кто-то: «Я слышал, у северных людей такой обычай есть, чтобы свою жену гостью предлагать...» – «Иди ты!» – «Зуб даю!..» – «Тогда надо проситься в гости... Я б сейчас и от русалки не отказался». – «А кто б отказался?.. Нам сейчас старуху дай, мы б и ту...» – «Неужто стал бы?..» – «А че? У меня не заржавеет...» Снова взрыв хохота.

– Спать! – командует Грачевский. – Завтра рано вставать – вы что, забыли?

Вообще-то у него есть своя койка в командирской палатке, но он предпочитает спать вместе с братвой. Здесь веселее, да и не любит он выделяться. Ну кто он? Да такой же, как все, солдат, только так уж вышло, что его на целый год поставили над ними старшим. Вот и не надо задирать нос – проще надо быть, проще, хотя и нельзя давать повода, чтобы тебе сели на шею. А то какая это будет армия? Тогда разве они построят эту колею? Ну а на сознательность пацанов рассчитывать не приходится. Молодость она и есть молодость. Попадет вожжа под хвост – такое могут учудить! Поэтому, несмотря на свою демократичность, Грачевский старается быть твердым в своих поступках.

В других палатках не лучше. Гогот стоит такой, что хоть «караул» кричи. Вот неугомонные, думает Володька. И это после такого напряженного рабочего дня! Первый раз выдали две нормы за смену, прорубив вместо тридцати шестьдесят метров просеки. Накануне здесь побывал замначальника мехколонны майор Ходенко, который остался недовольным работой отряда. Объявив аврал, он тут же упорхнул куда-то на вертолете. Участков у него много – почитай, по всей тайге разбросаны. Вот и приходится метаться. Москва торопит, Москва жмет, держит стройку в напряжении. Потому и авралы эти, потому и изводят здешние начальники и себя, и подчиненных. А иначе нельзя – весь мир внимательно наблюдает за строительством, ждет, чем вся эта беда закончится.

После завтрака Грачевский построил отряд и стал распределять задания. Каждой бригаде, где были свои вальщики с помощниками, свои сучкорубы и распиловщики, был отведен определенный участок работ. И завизжала тайга истерическими голосами бензопил, застучали топоры... Кто-то валил лес, кто-то очищал их от сучьев, кто-то распиливал хлысты.

– Товарищ старшина! Это что же дееется! Мы ж не ишаки... – не успело еще солнце подняться над тайгой, застонал невысокого роста худосочный паренек со странной фамилией Пустоляков. Он уже был весь в мыле, и его глаза были полны не отваги, с какой он вышел на построение, а дикой обреченности.

Володька, как истинный филолог, как-то попытался добраться до этимологических корней его фамилии, но был не уверен, что ему это удалось. Может, думал он, первоначально она звучала как Пустыляков? От слова пустыляка... Или пустельга – так в старину называли пустоголовых, ничтожных людей. Пустой, значит, пустышка. Хотя такая характеристика его подчиненному рядовому Валерке Пустолякову как-то не подходила. Человек он далеко не пустой – напротив, несмотря на свой затрапезный вид, в нем чувствуется некая внутренняя сила, да и смекалистый он не по годам. А уж об упорстве его и говорить не приходится. Дашь ему задание, так он будет до тех пор солью исходить, пока его не выполнит. Хотя мог порой и погундеть. Но это все так, для порядка...

Все у них только начинается. Конечно, с непривычки тяжело приходится, но с каждым днем пацаны все больше и больше втягиваются в работу. И уже меньше становится стонов, меньше слез. Но вот беда: несколько дней назад в отряд прибыло пополнение – трое архаровцев из тех, что недавно вышли с зоны. Те сразу не понравились Володьке. Колючие, психованные, дерзкие, они, казалось, приехали не лямку солдатскую тянуть, а издеваться над народом. С них и пошла вся свистопляска. Работать не работают, зато муть кругами от них идет. То бузу устроят, то командирам нагрубят, а бывало, что и морду кому-то набьют. Собрались в стаю и гоняют пацанов. Те растеряны, защиты у командиров ищут. А что с ними сделаешь? Старшина просил майора Ходенко, чтобы тот перевел этих упырей в другой отряд, а он: сами воспитывайте!

Ну ладно, решил Володька, как-нибудь переживем. В конце концов, на его стороне правда. А вообще надо объединить пацанов против этих волков – тогда, может, они и притухнут. Ведь, что ни говори, а зло только тогда капитулирует, когда встретит достойный отпор. Это Грачевский знает с детства. Тогда, после войны, они много дрались – будто бы утвердиться в жизни таким вот образом хотели. А может, виной тому неиссякающий к тому времени еще боевой дух их отцов-фронтовиков, который они передали по наследству сыновьям? Как бы там ни было, уличные бои не прекращались ни днем, ни ночью. За какую правду бились, непонятно, только это была хорошая школа жизни. Для того же Грачевского, где он научился понимать, что есть такое добро, а что – зло.

Месяц уже они здесь живут. Пока что Володьке все нравится. Именно о такой жизни он и мечтал. Чтобы вокруг была тайга – и ничего больше. Прав был Дантон, когда говорил, что тот, кто провел хоть один день у реки, никогда не вернется в политику. А здесь даже не река – здесь огромный загадочный мир тишины, мир нетронутой природы, в который ты влюб-

ляешься сразу, как только попадаешь сюда. То же самое произошло и с Грачевским. Но для этого ему и его товарищам пришлось проделать огромный путь. Почти неделю они тряслись в этих битком набитых и покрытых паровозной сажей вагонах, прежде чем оказаться на далекой сибирской станции под названием Большой Невер, о которой никто из них раньше и слыхом не слыхивал.

Думали, все, приехали, ан нет... От Большого Невера их еще почти сутки везли на открытых грузовиках по разбитой тяжелой техникой дороге. Однако, как оказалось, и это еще было не все. То лишь был районный центр, от которого нужно было еще пилить да пилить. Но на этот раз им повезло – на дальнюю точку, где им предстояло рубить просеку, их забросили вертолетами.

И вот они живут в тайге. Рядом забытый богом эвенкийский поселок Бэркан. Можно сказать, самая что ни на есть глушь. Другие отряды мехколонны идут где-то следом. Одни рубят просеку, другие, дено и ночью разрушая тишину тайги ревом моторов, ведут отсыпку железнодорожного полотна, третьи укладывают рельсы. Так вот и выстраивают сообщая дорогу. Володька рад такой перспективе, а вот его сослуживец Рудик Старков, с которым они подружились еще в «учебке» и который теперь в звании младшего сержанта командовал одной из отрядных бригад, настроен менее оптимистично. Ехал еще ничего, был полон надежд, а как приехал – посмурел. Вроде как разочаровался.

Старков до армии учился в Бауманском, откуда его вытурили за неупеваемость. Но он до сих пор сходил с ума от этой своей физики, а заодно портил жизнь товарищам, приставая к ним со своими заумными разговорами. Володьке он сказал, что педагоги поторопились, не углядев в нем будущего ученого. Подумаешь, на физкультуру не ходил и над преподавателем политэкономии вечно издевался. Но ведь он не собирался стать спортсменом, что же касается политэкономии, то преподавал ее такой зануда, так он не любил, когда с ним спорили, что он с первых дней возненавидел Рудика, у которого всегда было свое собственное видение вещей. Но ничего, говорил Старков, вот закончу службу – снова пойду учиться. Жаль только потерянного времени. А ты, говорил ему Володька, относись ко всему по-философски. Подумаешь, два года! В конце концов, реши, что тебе чертовски повезло. «Стройка века» – это тебе не хухры-мухры. Вернешься героем.

Рудик готов был согласиться с ним, однако, оказавшись в тайге, он тут же притух. Нет, не трудностей он боялся, не того, что здесь тебя живьем жрут гнус с оводами, просто он увидел во всем, чем они здесь занимались, нечто дикое и ничего не имеющее общего с цивилизацией.

– Нет, ты глянь, что мы творим! – разочарованно говорил Грачевскому этот высокий очкарик с кудрявой темной шевелюрой, которую он успел отрастить в тайге. – Мы же уничтожаем жизнь! Видишь, что после нас остается? Вот-вот, лунный ландшафт.

Где-то он, конечно, был прав. В самом деле, больно было смотреть, как падает к их ногам гордая вековая тайга, как кровоточат янтарной смолой умирающие деревья. Как, израненная пилами да топорами, корчится в предсмертных муках природа. А тут еще эти горы мусора – щепы, сучья, верхи деревьев, кора, – которые они оставляют после себя, эти многочисленные отходы солдатского быта... Короче, не успели приехать, как тут же осрамили и унизили тайгу. Но это, как говорится, еще цветочки... Скоро сюда придет техника – вот тогда все и начнется по-настоящему. Загудят надрывно бульдозеры, заскрипят механизмы экскаваторов, заревут моторы «Магирусов», которые и днем и ночью будут возить грунт под будущее земляное полотно, на которое после будут уложены рельсы. Вот тогда точно завоюет не своим голосом тайга, пощады будет просить. Но кто ее услышит?

Думая об этом, Володьке почему-то вдруг вспомнились стихи Волошина:

Наедине с природой человек
Как будто озверел от любопытства:

В лабораториях и тайниках
Ее пытал, допрашивал с пристрастьем,
Читал в мозгу со скальпелем в руке.
На реактивы пробовал дыханье,
Старухам в пах вшивал звериный пол...

– Вот она правда! – воскликнул Рудик, когда однажды Грачевский прочитал ему это стихотворение. Это были те счастливые минуты, когда, отужинав, братва потянулась к реке, чтобы побыть наедине со своими чувствами и мыслями. Бывало, рассядутся на речных валунах и задумчиво мечтают или, собравшись в кружок, о чем-то негромко переговариваются. Здесь даже курить не хочется. Потому как воздух здесь настолько чистый, настолько он пропитан терпким смоляным духом тайги, что его неохота поганить. Лучше пей его захлеб да радуйся жизни. – Это уже давно пошло: человек разрушает все, что видит... Без сомнения, разум человека стал роковой силой. Природа просто одурела от пыток... Но человек продолжает ставить эти свои смертельные эксперименты. Он не жалеет свой дом, а дом наш, как известно, – это Земля. А мы что делаем с ней? Сколько уже атомных да водородных бомб взорвали – не сосчитать! А сколько лесов извели, сколько полей да рек изуродовали... А что творится под землей! Ведь мы же всю ее выскоблили изнутри. Но нам все мало. Придет время, и умрет Земля... Впрочем, все смертно в этом мире. Коли есть начало, будет и конец. Но нельзя же самим так упорно его приближать!

– М-да... – вздохнул Грачевский. – Конечно, это жестоко – так губить природу, но ведь именно жесткое, а порой и жестокое отношение к ней и дало человечеству возможность утвердиться на этой земле. А что было бы, если бы мы жалели каждую былинку? Да мы бы с голоду все передохли!.. Но ничего, – пытался успокоить он товарища, – пройдет время – и раны в конце концов заживут. И тайга эта снова станет прежней...

Рудик смотрит на него, как на сумасшедшего.

– Неужели ты в это веришь? – спрашивает он. Володька пожал плечами. – Смешной ты, ей-богу! Да не будет как прежде, слышишь? Не будет! – повторил он.

Будучи повернутым на своих точных науках, он тут же переходит на привычный ему заумный язык, пытаясь с помощью научных фактов, а то и формул, которые он вычерчивал прямо на земле, доказать собеседнику свою правоту.

– ... Физика и база ее двадцатого века – это не что иное, как равновесное состояние всей природной среды Космоса, – быстро начертав что-то сухой веточкой, которая постоянно ломалась в его руке, произнес он. – А тем более нашей Вселенной, где... – Он на мгновение задумался, подбирая нужное слово. – Где деятельность человечества... гм, направлена в ущерб себе и окружающей нас природе.

Володьке трудно было понять смысл его слов, тем более всех начертанным им формул и то, какую роль они могут играть в его личном философском представлении о природе. Понял одно: физики, говоря о понятных вещах, слишком усложняют все. Что способы мышления представителей точных наук в корне отличаются от тех категорий, которыми оперируют гуманитарии. И, наверное, это хорошо, потому как оба эти подхода есть не что иное, как два конца некоего единого целого. Или же два полюса на глобусе нашей общей судьбы.

Однако долго слушать заумные речи Рудика было утомительно, и, чтобы перевести разговор в родную ему плоскость, Володька ловко вклинивается между двух формул Старкова и произносит:

– Наверное, старик, ты в чем-то прав – человек в самом деле порой забывает, что он не один на этом свете. Помнишь как у поэта? – Он снова цитирует Волошина:

...Огородил свой разум частоколом

Торчащих фактов, терминов и цифр
И до последних граней мироздания
Раздвинул свой безвыходный Таноб.

Рудик согласен с поэтом, только вот слово «Таноб» приводит его в замешательство.

– Таноб? А что это такое? – интересуется он.

Володька на мгновение задумывается.

– Если мне не изменяет память, это место подвижничества христианских аскетов, – говорит он.

Рудик покачал головой.

– Надо же, а я и не знал, – говорит. – И где ж оно, интересно, находится это место?

– Вот этого я сказать тебе не могу, – смущен своей случившейся несостоятельностью Грачевский. – Надо посмотреть в книгах...

– Ха! – отреагировал на это по-своему Старков. – Где ж ты тут, интересно, возьмешь эти книги? Может, в медвежьей берлоге пороешься? – Он смеется.

Володька посмотрел на него не то с укором, не то с сожалением.

– Эх ты, гуманоид несчастный! – проговорил он. – Ты что, забыл? Тайга – это ведь не только звери... Взять тот же Бэркан. Сам же видишь, что там не медведи живут, а люди. Ну а коль люди, то...

Старков не дает ему договорить.

– Неужто ты думаешь, что у этих эвенков есть своя библиотека? – спрашивает он Володьку. – Ну если даже она и есть, то там, могу поспорить, нет ничего о твоём Танобе.

Услышав это, Грачевский невольно вздохнул.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.